ВИКТОР МАМАТОВ

Я СИБИРЯК, А ЭТО ОСОБАЯ КАСТА

ПРОЕКТ ФЕДЕРАЦИИ БИАТЛОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
И КОМИТЕТА ВЕТЕРАНОВ СБР

ВИКТОР
МАМАТОВ:

Я СИБИРЯК, А ЭТО ОСОБАЯ КАСТА

ВИКТОР МАМАТОВ:

Я СИБИРЯК, А ЭТО ОСОБАЯ КАСТА

ПРОЕКТ ФЕДЕРАЦИИ БИАТЛОНА
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
И КОМИТЕТА ВЕТЕРАНОВ СБР

МОСКВА
2021

ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ МАМАТОВ

Родился – 21 июля 1937 года в рабочем поселке Белово (Западно-Сибирский край, РСФСР).

Заслуженный мастер спорта СССР (1967 год).

Заслуженный тренер СССР (1984).

Заслуженный тренер России (1998).

Судья международной категории.

Двукратный олимпийский чемпион (1968, 1972).
Знаменосец советской спортивной делегации на параде открытия Игр-1968.

Четырехкратный чемпион мира (1967 – индивидуальная гонка;
1969, 1970, 1971 – эстафеты).

Чемпион СССР (1968 – индивидуальная гонка и эстафета).

Представлял ДСО «Локомотив». Почетный железнодорожник (1971).

Окончил Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта (1964) и Омский ГИФК (1974). Кандидат педагогических наук. Профессор кафедры зимних видов спорта МГАФК, автор нескольких учебных пособий.

Инструктор Спорткомитета СССР (1966—1973); старший тренер молодежной сборной команды СССР (1973—1976); директор Новосибирского техникума физической культуры (1976—1981); старший тренер сборной команды СССР (1981—1985).

В период с 1968 по 1980 гг. принимал деятельное участие в создании и неоднократной реконструкции Новосибирского биатлонного комплекса, подготовив его для проведения нескольких чемпионатов СССР и России, матчевых встреч по биатлону СССР-Норвегия, этапов Кубка мира (1992 и 1997) и чемпионата Европы (2005).

Начальник управления зимних видов спорта Госкомспорта СССР (1985-1987 гг.), заместитель председателя Государственного комитета СССР по физической культуре и спорту (1987-1992 гг.). Президент Федерации биатлона СССР (1989—1992).

Один из учредителей Международного союза биатлонистов (IBU) от лица России. Первый вице-президент IBU с 1993 по 2002 гг.

Вице-президент Союза биатлонистов России с 1995 по 2010 гг.

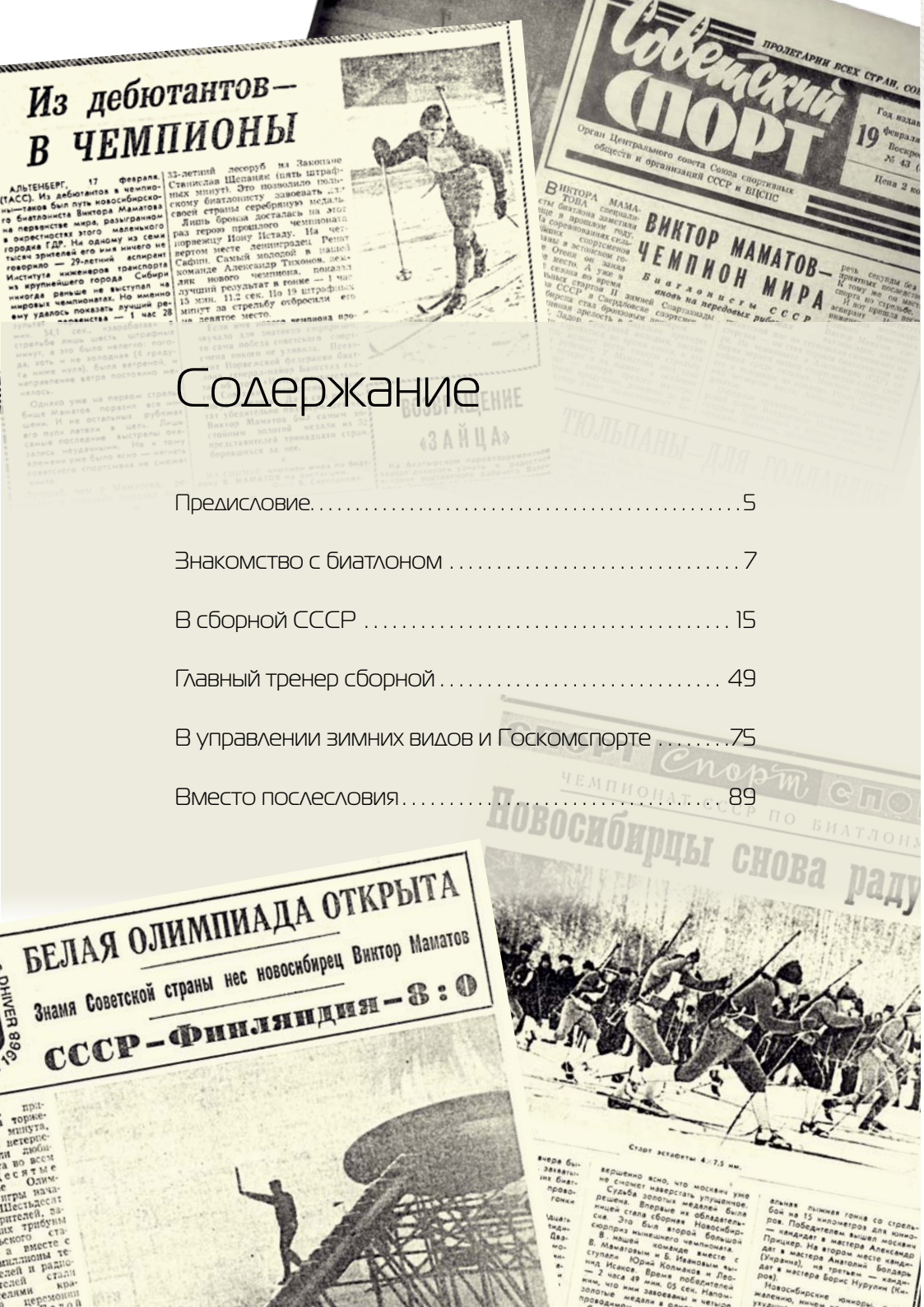
Почетный вице-президент СБР с 2018 по настоящее время.

Вице-президент Олимпийского комитета России с 1996 по 2006 гг.

Руководитель спортивных делегаций на зимних Олимпийских играх в Калгари (1988 – СССР); Альбервилле (1992 – Объединенная команда);
Нагано (1998 – Россия); Солт-Лейк-Сити (2002 – Россия),
1-й заместитель руководителя – в Лиллехаммере (1994 – Россия).

Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени (1972 и 1988), орденом Дружбы народов (1994), орденом «За заслуги перед Отечеством IV степени» (1999), медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть».

Исполком Международного олимпийского комитета наградил Маматова большой золотой медалью имени Пьера де Кубертена.



Содержание

Предисловие 5

Знакомство с биатлоном 7

В сборной СССР 15

Главный тренер сборной 49

В управлении зимних видов и Госкомспорте 75

Вместо послесловия 89

Предисловие

Я счастливый человек. Прожил длинную, насыщенную, яркую жизнь. Занимался любимым делом, добился успеха. Доведись прожить жизнь еще раз, ничего бы не хотел поменять за исключением одного. Я бы вычеркнул период, последовавший после развала Советского Союза, когда наш, некогда могучий отечественный спорт, в процветание которого я вложил всего себя без остатка, вдруг в одночасье оказался государству не нужным.

Средств на его развитие катастрофически не хватало. Я в то время был одним из спортивных руководителей нашей разваливающейся на глазах спортивной машины. В 1991 году не стало Советского Союза, а вскоре перестали существовать Госкомспорт, где я был заместителя председателя, и Федерация биатлона СССР, которой я руководил. В 1992-м я возглавил рабочую группу Олимпийского комитета России «Нагано-98», занимающуюся подготовкой сборных команд России к XVIII зимним Олимпийским играм. Деньги собирали в буквальном смысле с миру по нитке. Если в состав сборной попадали, например, три спортсмена из одной области, звонили губернатору этой области и просили: обеспечь своих представителей, поскольку в Олимпийском комитете денег нет. И он обеспечивал.

Таким образом, получалось, что в целом спорт государству, вроде бы, был не нужен, а с другой стороны, наши просьбы, помочь своим спортсменам, встречали понимание.

Но вот потерю обжитых десятилетиями спортивных баз и спортсооружений, оставшихся после развала СССР на территориях бывших советских республиках, восполнить никому не было по силам. Доходило до того, что чемпионаты России проводили в ближнем или дальнем зарубежье.

А сколько раз в этот период пришлось столкнуться с потребительским отношением к спорту: вы нам дайте результат! А каким образом,

за счет чего его добиться, никого не волновало. Тем не менее, спортсмены добивались побед благодаря своим биологическим ресурсам, настойчивости, умению выжать из себя все. Заканчивалось, правда, очень часто болезнями, травмами, а для некоторых – инвалидностью.

Варясь, образно говоря, вместе с любимым спортом в этом котле беспросветных проблем, я иногда смотрел со стороны на своих друзей, с которыми когда-то учился в Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта, и которые сделали на железнодорожном поприще блестящую карьеру, и думал, может быть, и мне стоило попробовать сделать то же самое? Ведь со мной учились Николай Емельянович Аксененко, третий министр путей сообщения Российской Федерации, первый заместитель председателя Правительства России. Владимир Иванович Старостенко, четвертый министр путей сообщения нашей страны. Целько Александр Витальевич, первый заместитель министра.

Было отчего взяться таким мыслям, ведь в свое время слишком много сил и здоровья было затрачено в стремлении добиться больших высот в выбранной профессии. Техникум железнодорожного транспорта – институт железнодорожного транспорта – аспирантура: этому пути было отдано более десяти лет жизни, а потом все брошено, в один день перечеркнуто ради большого спорта.

Но сейчас я ни о чем не жалею.

Знакомство с биатлоном

До переезда в Сибирь мой отец с дедом жили в Харбине. Дед работал на Китайско-Восточной железной дороге. После того как китайцы попытались забрать дорогу в единоличное пользование, там стало неспокойно и они перебрались в Россию – в село Карасево Черепановского района Новосибирской области. Отец заочно учился, при этом руководил машинно-тракторной станцией. В Карасеве нас и застала война.

Когда она началась, мне было пять. Потом я узнал, что отец трижды просил, чтобы его отправили на фронт, но всякий раз ему отвечали,

На старт своей первой в жизни лыжной гонки я вышел в 1952 году, учась в железнодорожном техникуме

что такой человек нужен здесь – чтобы обеспечить уборку урожая. Но вот сидим как-то за столом и видим, как к нам идет почтальон. Отец сразу сказал: «Вот и за мной». Точно – почтальон был с повесткой. А у отца уже вещмешок наготове. С мамой и братом Сашей пошли провожать. У сельсовета был сход, короткий митинг – и призывники отправились в Черепаново.

Отец хорошо разбирался в радиотехнике, поэтому его направили в связисты. Знаю, что он воевал в районе Волхова, на Ленинградском фронте. Какое-то время от него приходили треугольники, мы радовались, что отец жив. Хотя он писал, что на передовой все время приходится передвигаться ползком. Потом вестей не стало. А мы до сих пор ждем...

Обращались в Центральный архив Министерства обороны, к поисковикам, которые работают в районе Волхова. Но безрезультатно. Несколько лет назад я был в Карасеве. В центре села установлена стела с фамилиями тех, кто не вернулся с войны, а это – каждый второй. Есть там и фамилия моего отца.

Уходя на фронт, он сказал маме: «Дуся, если от меня не будет долгое время писем, продавай все, что можешь». Отец пропал без вести в 1942-м. Когда стало совсем худо, мама продала какие-то его костюмы и на эти деньги купила подтелка. В огороде у нас росли огурцы, лук, картошка – благодаря огороду выживали. Когда зима заканчивалась и вылезала трава, мы собирали всякие съедобные растения. Позже на болотистых берегах речки появлялся дикий лук батун. Вкусный, сочный и вдобавок полезный. Набирали его, сколько могли. Опоясывались этим луком – и становились похожими на индейцев.

Село Карасево.
С приятелем детства

Развивались, работая на огородах, таская воду в огромных ведрах на коромыслах, играли в войну. И хулиганистые были, конечно. Например, когда ближе к концу войны через село везли пленных немцев, мы в них кидали камнями и коровьими лепешками. Они сидели в кузовах машин в драных шинелишках, обмотанные какими-то тряпками... Конвоиры, которые охраняли пленных, могли нас и наказать прикладом по зубам. И это быстро прекратилось.

Непростой была жизнь и после войны, но плохое забывается,

а хорошее остается с тобой навсегда. В 1952 году после окончания 7-летней школы я поступил по примеру старшего брата Александра в Инский техникум железнодорожного транспорта. Прекрасно помню свои первые официальные соревнования. Это была 10-километровая лыжная гонка на первенство техникума, которую я, учащийся первого курса, выиграл. По плохо подготовленной лыжне, в валенках вместо лыжных ботинок, которых тогда у меня еще не было, пробежал ровно за час. Ботинки после этого мне выдали, а весной того же года я выполнил третий спортивный разряд и попал в сборную команду техникума.

Косвенно первый шаг к биатлону сделал там же в техникуме. Я всегда любил охоту, и еще в школе мама за хорошую учебу купила мне ружье. Поэтому, узнав, что в техникуме есть стрелковая секция, не смог пройти мимо. Записался и сразу же стал успешно выступать на многих соревнованиях по стрельбе из малокалиберной винтовки. Не оставляя, естественно, занятия лыжным спортом. Такая моя спортивная активность была замечена и вскоре меня избрали председателем совета физкультуры техникума.

В армию, служить в которую меня призвали после окончания техникума, я уходил, уже будучи чемпионом Сибири по лыжным гонкам среди юниоров. А также чемпионом Новосибирска и призером Новосибирской области в стрельбе из малокалиберной винтовки.

Призвали, надо сказать, довольно оригинально. Позвонили из военкомата и сказали: раз ты спортсмен бери лыжи, спортивную форму и езжай в Омск – будешь там выступать за сержантскую школу. Приехал я туда с направлением от военкомата, а там никто не знает, где эта школа и есть ли она вообще. Посоветовали обратиться в пехотное военное училище имени Фрунзе: может быть, школа там?

Ее там тоже не оказалось, но заместитель начальника училища Герой Советского Союза полковник Николай Андреевич Смирнов, который, как выяснилось, слышал о спортсмене Маматове, предложил мне стать курсантом училища. Но офицерское будущее меня не прельщало, и в итоге я хоть в училище и остался, но – в роте обеспечения.

«Обеспечивал» училище тем, что начал выступать за него на соревнованиях по стрельбе, лыжным гонкам, легкой атлетике (спортивной ходьбе), плаванию, велосипедным гонкам. В общем, закрывал практически все виды, причем, как правило, выигрывал или занимал призовые места.

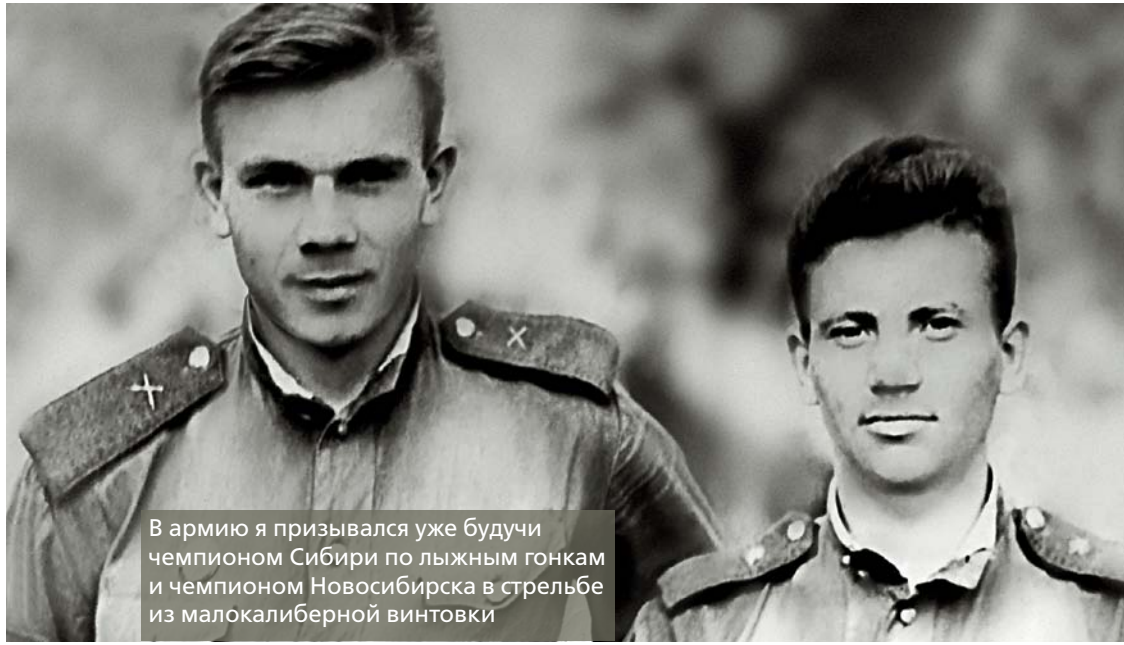
Потом меня командировали в Новосибирск в спортивную роту, где однажды и состоялось мое знакомство с правилами современного лыжного двоеборья, состоявшего из бега на лыжах и стрельбы. Их опубликовали в газете как будто специально для меня. Прочитал и подумал: вот то, что мне нужно – две моих основных дисциплины!

Стал пробовать бегать и стрелять, и у меня стало получаться: порой из двадцати выстрелов – 18-19 попаданий.

Но все это было, как говорится, для себя – ни на какие соревнования меня не посылали. Однажды, правда, вызвали на сбор в Бакуриани, я уже даже командировку получил, но об этом в последний момент стало известно полковнику Гушкевичу из штаба округа. Ему очень не понравилось, что накануне чемпионата Вооруженных Сил по стрельбе первый номер сборной Сибирского округа улетает на лыжный сбор в Грузию. Мне передали его приказ: немедленно сдать лыжи и другой инвентарь, аннулировать командировку и готовиться только к стрельбе.

Я попытался проигнорировать приказ, рассчитывая на то, что сойдет с рук: очень уж хотелось полететь в Бакуриани. Но полковник не забыл. Вечером поступил второй его приказ: получить на следующий день утром в штабе округа предписание и отправляться обратно в Омск, в воинскую часть. Эта была его реакция на то, что я проигнорировал первый приказ. Когда мне об этом сообщили, до закрытия склада оставалось пять минут. Рванул туда. К счастью, кладовщик оказался на месте. Быстро сдал ему инвентарь, а на следующее утро пришел в штаб еще раньше, чем там появился Гушкевич. Когда он приехал, между нами состоялся такой диалог: «Пойдем, получишь предписание, и вперед – в училище». «Но я же все сдал, как вы приказали?». «Когда ты сдал? Я вчера вечером звонил на склад, мне сказали, что ты там не появлялся». «Я успел за пять минут до закрытия». «Сейчас проверим».

Позвонив и убедившись, что его приказ выполнен, он изменил тон: «Ладно, это тебя спасает. Иди – готовься к чемпионату по стрельбе».



В армию я призывался уже будучи чемпионом Сибири по лыжным гонкам и чемпионом Новосибирска в стрельбе из малокалиберной винтовки

На этом, образно говоря, мое армейское лыжное двоеборье закончилось.

А первый мой биатлонный старт состоялся уже после демобилизации в 1959 году, когда я поступил в Новосибирский институт железнодорожного транспорта. В 1960-м в Свердловске проходил очередной чемпионат СССР по лыжным гонкам. Узнав, что там же состоится чемпионат страны по биатлону, решил попробовать. Взял в клубе свою армейскую винтовку и поехал. Победителем тогда в третий или четвертый раз стал Александр Привалов, будущий многолетний главный тренер сборной СССР. Я занял 16-е место, но при этом обыграл самого Владимира Меланьина, чемпиона мира 1959 года.

Подвела меня тогда элементарная неопытность. Ошибся в расчетах при подготовке к выстрелу. Когда на огневом рубеже налетел порыв ветра, я сделал поправку по его направлению и взял лишнее. В итоге промахнулся. А соображал бы тогда, может быть, и в призерах финишировал.

Но в любом случае меня заметили. В следующем году я принял участие в трех стартах, и во всех оказался в десятке лучших, заняв седьмое, восьмое и девятое места. Это были отборочные соревнования к чемпионату мира в шведском Умео. Два из них прошли в Ленинграде, а третье, участники которого определялись по результатам первых двух, в Эстонии, в Отепя. Именно там я показал свой лучший результат, до-

пустив, кстати, ту же ошибку, что и на своем первом чемпионате страны в Свердловске.

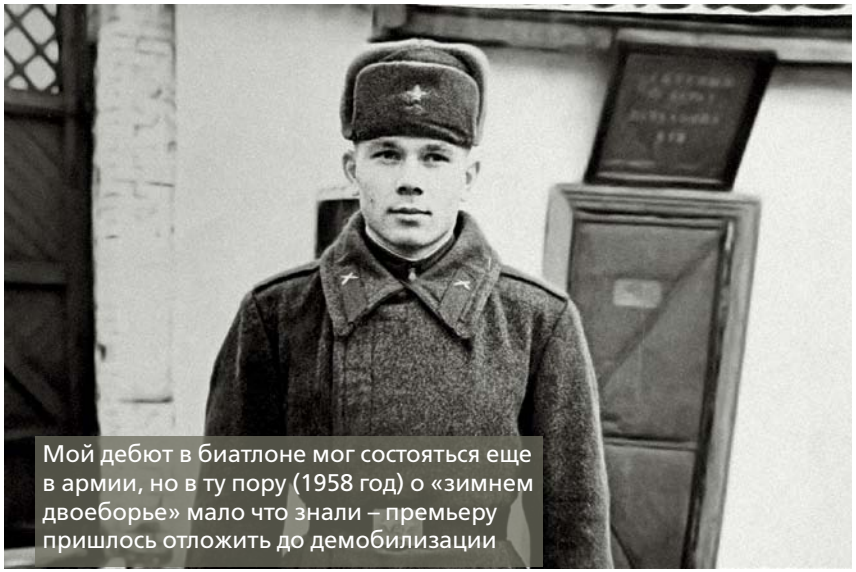
На чемпионат мира я, естественно, не попал. В сборную меня тоже не спешили приглашать. В течение пяти лет тренеры главной команды страны меня попросту не замечали, хотя я показывал достойные результаты и меня всячески, как сейчас говорят, лоббировали два уважаемых тренера «Локомотива» – Борис Михайлович Быстров и Виктор Александрович Иванов. Причина, на их взгляд, была в том, что сборная успешно выступала на международных соревнованиях, выигрывала чемпионаты мира и менять что-то в составе тренеры команды не хотели.

К тому же до меня доходили слухи о том, что тренеров сборной, якобы, не устраивало, что я студент технического ВУЗа, из Сибири, где, по их мнению, никогда не было большого спорта и не будет. И, ко всему прочему, татарин.

Я, естественно, русский. Отец – Федор Федорович, мать – Евдокия Анисимовна, в девичестве Кирьякова. Но, может быть, моя фамилия у них ассоциировалась со словом Мамай? Хотя, если глубоко копнуть, у каждого русского можно, наверное, найти татарские корни.

Кстати, по поводу фамилии. Когда я в 1967 году выиграл чемпионат мира, получил много писем, в частности, из Узбекистана, Украины, Карелии, Красноярска, Горького (ныне Нижний Новгород), авторы которых спрашивали: нет ли у меня родственников в их краях? Вынужден был их огорчить.

Но насчет «татарина», как одного из аргументов против моего попадания в сборную, я думаю, это все же была шутка. Но как бы там ни



Мой дебют в биатлоне мог состояться еще в армии, но в ту пору (1958 год) о «зимнем двоеборье» мало что знали – премьеру пришлось отложить до демобилизации

было, в конце концов, я обиделся, окончательно потеряв веру в то, что когда-нибудь стану членом национальной сборной. Обида была такой, что твердо решил закончить со спортом и полностью посвятить себя профессии железнодорожника, тем более что дела в институте складывались неплохо.

Решил и закончил. И, может быть, уже никогда бы не вернулся в спорт, но тут подошли сроки 2-й Спартакиады народов СССР, посвященной XXIII съезду КПСС. Это был 1966-й год. Меня вызвали в Новосибирский обком партии и попросили выступить на чемпионате Сибири, где разыгрывали путевки в финал спартакиадных соревнований. Я начал упираться, ссылаясь на то, что уже два месяца как не тренируюсь. Но меня и слушать особо никто не стал. «Ты коммунист! Ты должен!» – сказали мне.

В физкультурном диспансере, прежде чем допустить к старту, заставили пройти беговой тест для того, чтобы получить справку о том, что я здоров и готов выступать. Пришлось бежать. Хоть и не долго, где-то минут двадцать, но в день соревнований мышцы болели так, что поначалу каждое движение давалось с трудом. Однако я не только добежал, а даже занял второе место. Проиграл победителю три секунды потому что из-за поднявшегося ветра пришлось слишком долго простоять на огневом рубеже во время стрельбы стоя.

Финал 2-й Спартакиады народов СССР в Свердловске, где я занял третье место в личной гонке, должен был, по моим планам, стать последним в моей спортивной карьере. Бежал я там практически с одной рукой. Вторую разбил о дерево (шрам на всю жизнь остался) во время разминки за день до соревнований. Ехал со спуска (а трассы тогда узкими были, классическими), рядом лыжная гонка проходила. И тут вдруг кто-то крикнул, что на дистанции Ваня Кондрашов появился. А Иван, чемпион Европы 1962 года, нашим парнем был – тоже за «Локомотив» выступал. Я повернулся на него посмотреть и не заметил, как на сосновый сучок рукой со всего маху напоролся. Да так, что куртка лопнула.

Когда спустился, рука плетью висела, ничего ею сделать не могу. Ее быстренько заморозили, забинтовали, и я на следующий день так и побежал. Третьим, повторюсь, финишировал. Но в этой ситуации бронза на вес золота оказалась. Сам себе удивлялся: надо же, с одной рукой и третий!

Через два дня эстафета. Бежал на четвертом этапе, в жутких погодных условиях, на жесткой лыжне. В соперниках – практически одни сборники, ведь сильнейших всегда на последний отрезок ставят. Тем не менее, на финише «привез» ближайшему сопернику 4 минуты и 15 секунд!..

Вернулся в Новосибирск. С чувством исполненного долга и с чистой совестью поставил, как говорится, лыжи в угол, винтовку повесил на гвоздь. Но меня снова попросили: как было сказано, в последний

Приглашения в сборную страны по биатлону я дождался лишь в 1966 году – мне на тот момент было уже 29 лет

раз. Надо было съездить еще на одни соревнования, всесоюзного масштаба, которые проводились в Мурманске. Подумал: ладно, город заодно посмотрю, в котором никогда раньше не был. Поехал, увидел, победил и вернулся оттуда членом сборной СССР. Вернее, с приглашением стать ее членом.

НОВОСИБИРЦЫ—ЧЕМПИОНЫ СИБИРИ

ЗАВТРА—СТАРТ ПЕРВЕНСТВА МИРА

В сборной СССР

Несмотря на то, что еще совсем недавно я страстно желал попасть в сборную, согласился не сразу. Я уже аспирантом в институте был, предзащиту успешно прошел, диссертация была на носу. В общем, будущее свое тогда уже видел не в биатлоне.

Но меня снова уговорили. Важную роль в этом сыграл Виктор Дмитриевич Баранов (муж олимпийской чемпионки Любови Барановой), тогдашний тренер мужской сборной СССР по лыжным гонкам. Он случайно оказался рядом, когда меня в очередной раз теперь уже практически заставляли принять приглашение в сборную. Долго молча слушал, а потом встал и говорит: «Вы его пять лет не хотели брать, а сейчас сами уговариваете». Вроде ничего особого не сказал, но как будто шило мне в одно место вставил: ну, в самом деле, я же так рвался, так хотел оказаться в сборной! «Ну, ладно, хоть и потеряно безвозвратно несколько лет, но все же попробую», – решил я. Попросил, дать мне стипендию. Положили 140 рублей. Нормальная сумма по тем временам. Аспирантская стипендия тогда составляла 100 рублей. А когда после окончания железнодорожного института я исполнял обязанности заместителя директора завода (было и такое в моей биографии) получал на руки 217 рублей – целое состояние для 60-х!

Так я открыл новую страничку в своей жизни.

В декабре 1966 года, в рамках подготовки к чемпионату мира-67, сборная СССР выехала на соревнования в Норвегию. Это был мой первый международный старт. Сейчас уж точно не вспомню, как называлось то местечко, где проходили соревнования, зато прекрасно помню, что стрелять там пришлось, сняв предварительно лыжи. На трассе, предложенной организаторами, не было большого участка для стрельбы лежа, поэтому стреляли со скалы. Подходили к ней, снимали лыжи и стреляли вниз. Потом снова надевали лыжи и бежали дальше.

Я первый рубеж прошел без потерь, а на втором не рассчитал траекторию, да еще, как мы говорим, задавил приклад, и в итоге заработал четыре минуты штрафа.

Финишировал, хоть и с лучшим результатом среди наших, но только четвертым, пропустив вперед трех норвежцев. Местные фоторепортеры, делая снимки после соревнований, попросили меня надеть шапку-ушанку, а потом в одной из газет написали, что «только один русский сибирский медведь сумел оказать достойное сопротивление доблестным норвежским королевским гвардейцам».

Вместе со мной тогда в команде были Владимир Меланьин, Александр Тихонов, Николай Пузанов, Владимир Гундарцев, Николай Мещеряков.

Потом из Норвегии мы переехали в Финляндию, где приняли участие, если не ошибаюсь, в открытом первенстве страны. Снова бежали 20-километровую гонку, и я опять оказался лучшим в нашей команде. Незадолго до финиша, перед последним затяжным подъемом Привалов крикнул мне: «Вон того финна если обойдешь, можешь выиграть». Я посмотрел, а этот финн уже примерно на середине подъема. Показалось даже, что его уже не догнать. Но я все равно воспринял призыв тренера, как руководство к действию. Нашел в себе силы, чтобы включить дополнительную скорость и уже наверху «съел» этого финна. Однако после финиша мне сказали, что с учетом стартового гандикапа я все же четыре секунды ему проиграл.

1966 год. В сборную страны я пришел в один год с будущими легендарными тренерами – Александром Приваловым (третий слева) и Владимиром Иерусалимским (сидит в центре)

С этим и приехали в отель. Сидим, обедаем, и тут в зал вбегает хозяин гостиницы. «Кто из вас Маматофф (с ударением на последний слог)?» – спрашивает. Подошел ко мне, стал двумя руками мою руку трясти, поздравлять. Оказывается, я все-таки выиграл эту гонку, причем с преимуществом в 1 минуту 56 секунд.

По этому поводу хозяин угостил наших тренеров пивом за счет заведения. Спросил у меня, что я буду пить? Говорю: я молоко люблю. Через минуту мне принесли большой стакан молока. С той минуты этот господин превратился в саму любезность, обхаживал нас, как мог. Даже когда мы уезжали, провожать вышел без головного убора, несмотря на сильный мороз.

А ведь поначалу чуть ли ни как к врагам относился, всем своим видом показывал, что терпеть нас, советских, не может. В тумбочки, которые стояли в наших номерах, подложил журнал с фотографиями Гитлера и финского маршала Густава Маннергейма, воевавшего в конце 30-х – начале 40-х с Советским Союзом. Это сейчас на эти журналы никто бы внимания не обратил или, напротив, с интересом изучили бы редкие исторические снимки, а тогда мы однозначно расценили это как провокацию. К журналам никто из нас даже не притронулся, просто клали сверху на тумбочку одежду, как будто журнала и не видели.

Я потом спросил у финского переводчика, работавшего с нашей командой, почему с хозяином отеля такая метаморфоза произошла, отчего он нас так резко полюбил? Он ответил, что все дело в моей победе, которая теперь по полной программе будет раскручена для пиара этого заведения, дескать, в этом отеле лучшая еда и лучшие условия для проживания, способствующие таким победам.

1967 год. Восьмой по счету чемпионат мира по биатлону прошел в Альтенберге (ГДР). Для меня этот чемпионат мира стал первым, там я выиграл индивидуальную гонку. В тот день был очень сильный ветер, кружила поземка, создавая сложные условия для стрельбы. Поэтому на огневых рубежах я старался себя не торопить: в отличие от многих соперников, тщательно выцеливал каждую мишень. Когда отстрелялся последний раз, услышал крик главного тренера Александра Васильевича Привалова: «Давай, Витя, давай! Очень хороший результат показываешь – можешь выиграть!» Ну я и рванул, не жалея сил. Добежал до самого тяжелого длинного подъема, который был перед стадионом. Рядом лес, ветер не столь пронизывающий, как на открытом месте, поэтому там вдоль трассы очень много болельщиков собралось. Немецких, естественно, в основном, но они, услышав крики наших тренеров, гнавших меня вперед, тоже подхватили: «Фитя, Фитя, таффай! Таффай!».

Я взобрался на вершину подъема и, вдруг, как-то резко, в одно мгновение навалилась смертельная усталость. Силы разом куда-то

улетучились. Думаю: «Вот сейчас бы лечь на снег, немного отдохнуть и потом продолжить». Раций тогда еще не было, поэтому толком не знал, какое у меня преимущество перед ближайшими соперниками. Тренеры, видимо, сами тогда еще просчитать не успели, поэтому тоже ничего об этом не говорили.

Но я догадывался, конечно, что отрыв хороший, поэтому, чтобы не поддаться соблазну, сделать передышку, буквально через «не могу» заставил себя не расслабляться: «Девятнадцать с половиной километров пробежал, неужели еще на 500 метров не хватит?!» Голову опустил, зубы сжал и вперед, в прямом смысле на грани своих физических возможностей. Вдруг ужасная мысль пронзает: «Там же перед самым финишем будет деревянный мостик! Как же я на него взберусь? Где силы на это взять?» Пока думал, вижу чьи-то ботинки у самой трассы. Поднимаю глаза: стоит солдат, один из волонтеров соревнований, и показывает мне, что надо бежать не на мостик, а мимо него (оказывается, после контрольной тренировки организаторы решили, внести коррективы в маршрут гонки). Я кивнул, а сам чуть ли ни «ура!» закричал от радости. Слава Богу! – думаю: сил на подъем, действительно, уже не было.

Финишировал. Меня срезу закутали в теплое одеяло и – в палатку. Сел на стул, и, не поверите, палатка сразу начала вращаться перед глазами. Голова закружилась от дикой усталости. А тут, как на грех, журналисты повалили, в основном, немецкие. Начали вопросы задавать. А у меня одна мысль: ни в коем случае нельзя показать им свою усталость. Собрал оставшуюся волю в кулак, стал отвечать. Причем, главным образом, на немецком. Тогда как раз в институте кандидатский минимум по немецкому языку сдал, так что решил обойтись без переводчика. Потом уже дома прочитал в наших газетах о том, что Маматов после финиша свободно общался с журналистами на немецком и английском языках. Не знаю, откуда взялась такая информация. На английском я точно не говорил. Ни тогда, ни сейчас.

Это был, напомню, 1967 год – год 50-летия Советской власти, и вышло так, что в этот знаменательный для СССР год я стал первым советским чемпионом мира. К тому же был членом КПСС, аспирантом в институте, имел семью. В общем, подходил по всем параметрам под эталон истинного советского спортсмена со всеми вытекающими отсюда последствиями для меня. Началось, как говорится, испытание медными трубами. Одно мероприятие сменялось другим, журналисты в очередь выстраивались для интервью, мое лицо замелькало на телевизионном экране. Даже фильм обо мне был снят. Хотел в 2007 году, когда отмечал свое 70-летие, найти эту пленку. Поехал в Красногорск в государственный архив кино-фотодокументов, но там сказали, что все ленты, отснятые в дни празднования 50-летия советской власти, уничтожены в 90-х годах, когда начал разваливаться СССР. А жаль, ведь это же наша история.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Советский спорт

Год издания 35-й
19 февраля 1967 г.
Воскресенье
№ 43 (5779)
Цена 2 коп.

Орган Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР и ВЦСПС

ВИКТОР МАМАТОВ — ЧЕМПИОН МИРА

Биатлонисты СССР вновь на передовых рубежах

Так шел к победе Маматов

Мою победу на чемпионате мира 1967 года спортивные руководители сочли символической и эталонной – в год 50-летия Советской власти первый чемпион мира, да еще и член КПСС

Когда вернулся в Новосибирск, помню, у меня спросили: «Тебе дали какие-то деньги?» «Нет, – говорю, – вот только медали и 11-килограммовый хрустальный кубок». Этот кубок, кстати, я при вручении чуть не разбил. Не думал, что он такой тяжелый и от неожиданности уронил – одна крышка в руках осталась. Но, к счастью, министр обороны ГДР, который его вручал, вовремя среагировал – успел на лету подхватить.

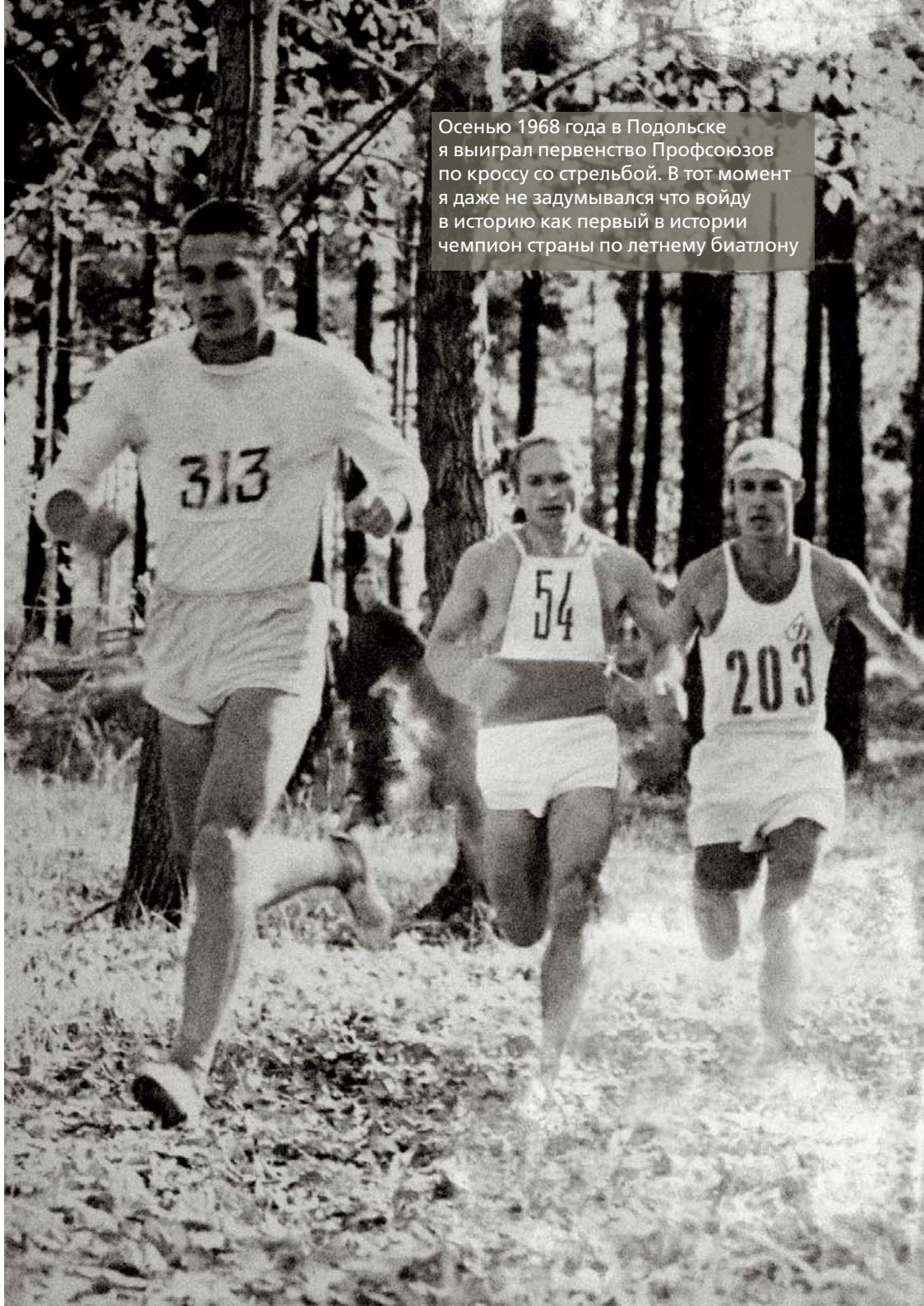
Еще двух плюшевых медведей, символов Берлина, подарили. Одного сразу детям отдал играть, а другого оставил на память. До сих пор на даче хранится.

Я тогда думал, что этим кубком и медведями все и ограничится, но весной позвонили из Москвы и сказали, что надо приехать в Спорткомитет СССР и получить премию за чемпионат мира. Поехал вскоре на плановое медицинское обследование и получил полторы тысячи рублей за первое место и 750 – за второе. После всех вычетов получилось чуть более двух тысяч. Деньги по тем временам, надо сказать, неплохие. «Волга», лучший советская машина, тогда стоила 5 600 рублей, «Москвич» – 4700.

Как водится, когда появились деньги, появилось и много друзей. Гостей стали принимать чуть ли не каждый день. С застольем, естественно. Я, правда, ни грамма не пил, а жена немножко, рюмочку-другую, могла себе позволить за компанию. Но потом спохватились, посмотрели – почти половины премии как не бывало. Решили закончить с гостями и начать копить на машину, в которой давно была острая необходимость, поскольку мне каждый день приходилось ездить за город на тренировки. Садился на трамвай, доезжал до окраины, а там еще пешком шел. Потом таким же образом добирался обратно.

ГРАМОТА
ВСЕСОЮЗНЫЙ СОВЕТ ДОБРОВОЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ ОБЩЕСТВ ПРОФСОЮЗОВ НАГРАЖДАЕТ
Тов. ШАШАТОВА Виктора, занявшего во Всесоюзных лично-командных соревнованиях ДСО профсоюзов по "летнему" биатлону 1968г. первое место в кроссе на 15 км. со стрельбой с результатом - 1.02.56.
Председатель
6 октября 19 68г.

Сначала нацелились на «Москвич», но когда, собрав к 1970 году необходимую сумму, пошли его покупать, мне знающие люди сказали: «Зачем тебе эта машина? Ты понимаешь, что, если сейчас приобретешь «Москвич», «Волгу» потом тебе уже не дадут (а тогда люди, даже имея необходимую сумму, годами стояли в очереди, чтобы купить автомобиль). Так что, покупай сразу «Волгу». Если денег не хватает, займи».


Осенью 1968 года в Подольске я выиграл первенство Профсоюзов по кроссу со стрельбой. В тот момент я даже не задумывался что войду в историю как первый в истории чемпион страны по летнему биатлону

Индивидуальная гонка в олимпийском Гренобле стала самой тяжелой в моей спортивной биографии. Огромная ответственность и раскисшая от дождя трасса… Я финишировал с седьмым временем и вылезшей на 2 см прямой кишкой

Я так и сделал: полторы тысячи взял в долг, добавил еще 700 рублей, которые лежали у меня на сберкнижке, плюс жена вовремя в лотерею выиграла небольшую сумму, и в итоге мы купили «Волгу».

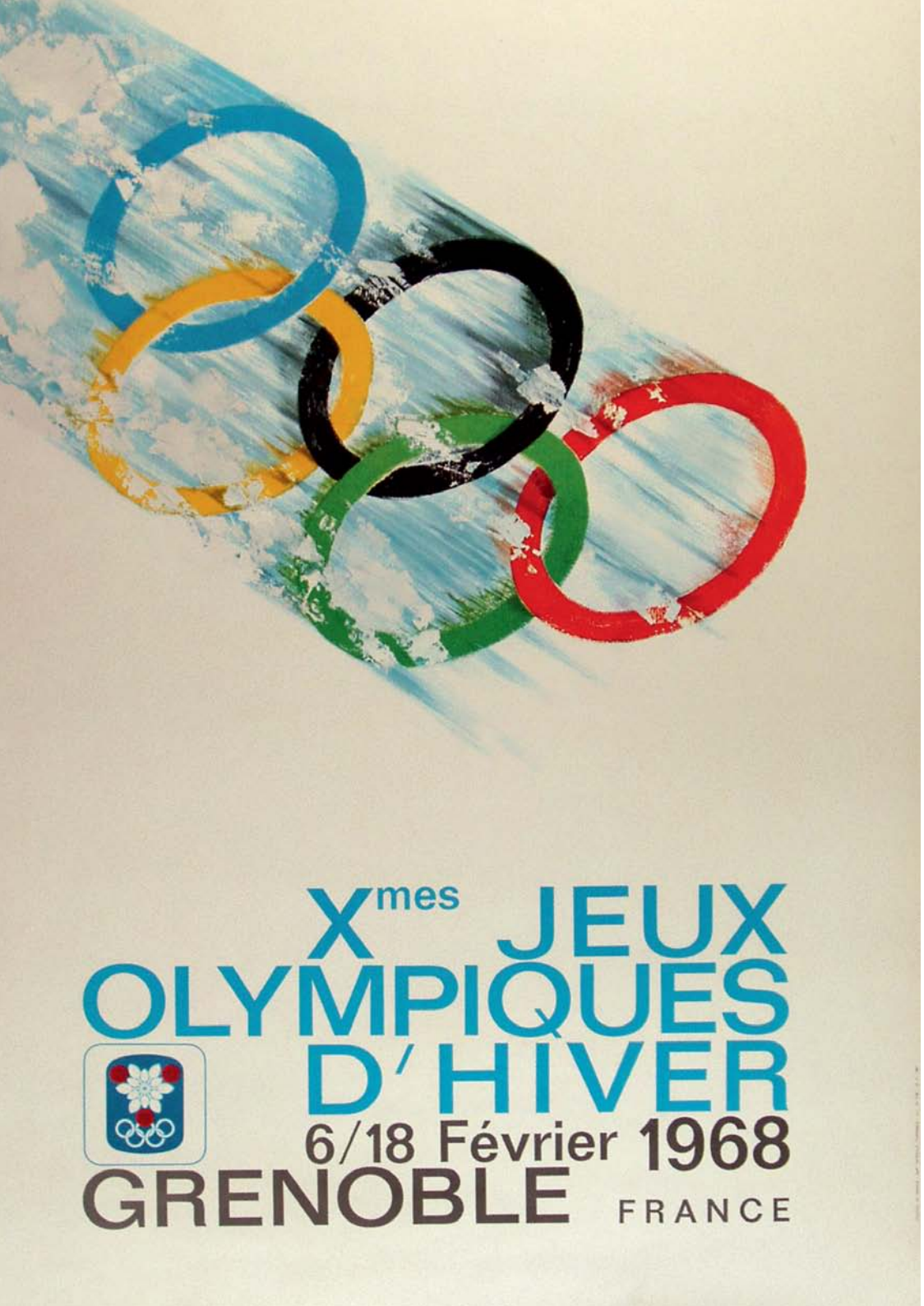
Квартира к тому времени у нас уже была. Когда попал в национальную сборную, написал в горисполком заявление на улучшение жилищных условий, и меня поставили на очередь. После рождения второго сына нам выделили четырехкомнатную квартиру, правда, в панельном доме и рядом с вокзалом. В 1971 году, опять же не без содействия городских властей, мы поменяли ее на трехкомнатную в центре города, в доме, построенном для ответственных работников еще Томской (а с 1961 года – Западно-Сибирской) железной дороги.

Но вернемся в 1968-й. Я уже лидером сборной был. На каких бы международных соревнованиях ни появился, везде говорили: «Маматофф – номер один». На Олимпийские игры в Гренобль тоже приехал в статусе фаворита, действующим чемпионом мира.

Перед началом Игр встал вопрос о знаменосце сборной. Кандидатов было двое – я и фигурист Олег Протопопов, который катался в паре с Людмилой Белоусовой. В 1979 году они не вернулись в СССР из зарубежного турне, попросив политического убежища в Швейцарии. Но это было потом, а в 1968-м именно наши с Олегом кандидатуры были предложены руководством для обсуждения на комсомольском собрании олимпийцев. Почему в итоге выбрали меня, честно говоря, не знаю. Определяющую роль, наверное, сыграло то, что я, помимо спортивных заслуг, был, во-первых, партийным, во-вторых, аспирантом в институте. Олег, помнится, очень сильно обиделся, он ведь к тому времени был уже олимпийским чемпионом. Прямо зубами скрежетал, всем своим видом показывая, что терпеть меня не может. Но я-то был причем? Моей вины перед ним никакой не было. Знамя из рук у него не вырывал. Выбор участников собрания пал на меня, я и пронес.

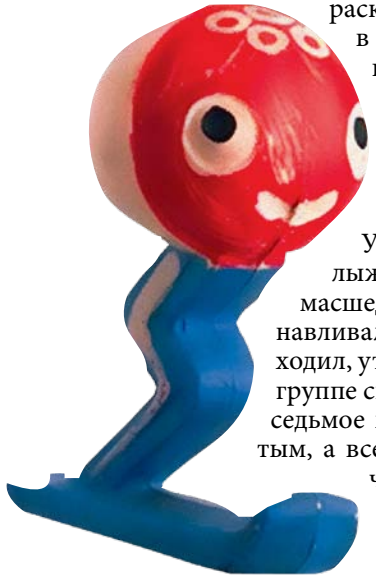
Волновался, естественно, здорово. Когда шел по стадиону, мурашки по коже бегали, вся спина от переживаний была мокрой. Я видел до этого по телевизору, как несли знамя штангисты – на вытянутой руке, и старался делать так же. Вроде бы все получилось достойно. Правда, уже после церемонии некоторые руководители нашей делегации, которые шли в первом ряду, высказали по-доброму претензии: куда, мол, так спешил? А я, действительно, стараясь, согласно полученной инструкции, не отставать от девушки, которая несла табличку с надписью «СССР», и шагать с ней в ногу, слегка оторвался от группы.

Кстати, я стал первым знаменосцем сборной, кому удалось победить на Играх. С партнерами по команде выиграл эстафетную гонку 4х7,5 км, дисциплину, которая дебютировала в тот год на Олимпийских играх. Не безосновательно рассчитывал на победу и в индивидуальных соревнованиях, тем более что на прошедшем накануне контрольном старте выглядел очень хорошо. Но не суждено было – в итоге финишировал только седьмым.



Накануне той гонки, обсуждая с Приваловым вопрос, в какую группу меня поставить, остановились, по моей просьбе, на четвертой, в которой должны были бежать все основные соперники во главе с чемпионом мира 1966 года норвежцем Йоном Истадом. В соответствии с обещанным в день соревнований морозом, который, согласно прогнозу, будет нарастать, построили и стратегический план на гонку. Расчет был на то, что к моменту старта должно прилично подморозить и тогда весь расклад будет перед глазами: можно будет в случае необходимости где-то добавить.

Первым в нашей команде на дистанцию ушел самый молодой – Саша Тихонов. У него, если мне память не изменяет, и стартовый номер был первым. Вслед за ним побежал Магнар Сольберг, будущий двукратный олимпийский чемпион, трехкратный чемпион мира, но в тот момент запасной сборной Норвегии. Вот эта первая группа из 20 участников и успела проскочить, поскольку затем погода стала резко меняться. Мороз начал отпускать, пошел легкий снежок, который сменился дождем. Трасса раскисла. Я стартовал под 58-м номером, мы и лыжи в соответствии с погодными изменениями, успели перемазать, но это уже не помогло. Бежал, не видя в снежной кашице под ногами собственных ботинок, только носки на три-четыре сантиметра торчали.



А там на трассе были участки, где со спуска съезжаешь и дальше – дли-и-инная прямая. У первой двадцатки спортсменов с этих спусков лыжи метров четыреста сами катили, скорость сумасшедшая, а я как с горы съезжал, практически останавливался. Эти прямые, что называется, на жилах проходил, утопая в снежном месиве. В итоге хоть и оказался в группе сильнейших лучшим, в общем зачете занял только седьмое место. Лидер норвежцев Истад стал одиннадцатым, а все остальные фавориты – вообще в ауте, потому что когда четвертая группа финишировала, дождь уже был сплошным.

X Зимняя олимпиада 1968 Гренобль

ЧЕТВЕРО

НАШ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВ СООБЩАЕТ ИЗ ОТРАНА
ТРИУМФ СОВЕТСКИХ БИАТЛОНИСТОВ ● ДИКТОВАЛ УСЛОВИЯ АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ ● ОПЫТНЫЕ НИКОЛАЙ ПУЗАНОВ И ВИКТОР МАМАТОВ ПОДХВАТИЛИ ЭСТАФЕТУ ● ПОБЕДНУЮ ТОЧКУ ПОСТАВИЛ ВЛАДИМИР ГУНДАРЦЕВ.

О ЛЫЖНЕ, МИШЕНЯХ И ГЕРОЯХ

САМЫЕ БЫСТРЫЕ СНАЙПЕРЫ

БЛЕСТЯЩИЙ УСПЕХ СОВЕТСКИХ БИАТЛОНИСТОВ

Олимпийским чемпионом в результате стал Сольберг. Тихонов выиграл серебро, а бронзовую медаль получил Владимир Гундарцев, еще один наш спортсмен, стартовавший в первой двадцатке.

Пережил я, конечно, это поражение очень тяжело, хотя мне не в чем было себя упрекнуть: выложился на дистанции так, что геморрой от перенапряжения заработал. Прямая кишка, простите за подробности, на два сантиметра вылезла. Массажист команды Валентин Соболев, к которому я обратился за помощью, как увидел, сразу положил меня на стол и с помощью массажа и каких-то мазей вправил все на место. «Теперь, – говорит, – тебе надо обязательно отдыхать, иначе, если это дело лопнет, тогда все». Я мигом о геморрое забыл: «Как отдыхать? Эстафета же через два дня!»

Утром в день эстафеты Привалов спрашивает: «Как себя чувствуешь?». «Все нормально! – говорю. – Я готов бежать!» Другого ответа Александр Васильевич, естественно, от меня не ждал, да его и быть не могло. «Ладно, – говорит, – побежишь, но только не четвертый этап, а третий. Пусть это для норвежцев станет маленьким сюрпризом – они на третий этап Сольберга ставят, хотят, учитывая его прекрасную форму, здесь решить судьбу гонки, создав необходимый отрыв».

Тихонов, которому был доверен первый этап, с блеском, несмотря на один штрафной круг, его преодолел, передав эстафету Николаю Пузанову с отрывом в 45 секунд от шедшего вторым шведа Ларса-Горана

Наша олимпийская эстафетная победа вызвала подлинную бурю эмоций – среди наших руководителей и болельщиков было тогда еще очень много фронтовиков, которые не стесняясь плакали от радости за нас

Арвидсона. Пузанов «закрутился» дважды, но, к счастью, швед Торе Эрикссон тоже был не идеален в стрельбе, и наш отрыв увеличился до минуты 41 секунды. Лучшее время на втором этапе показал чемпион мира 1965 года норвежец Олав Йордет, который значительно поправил дела своей команды, сократив отставание от сборной Швеции до двух секунд. А на третьем этапе Сольберг с первых же метров вывел Норвегию на второе место.

Стреляя лежа, я первую пулю послал в «молоко». Что такое? Прицелился снова – хлоп, и чувствую, локоть провалился в снег. Тем не менее, с маленьким просветом попадаю. Тогда следующий выстрел опять, уже сознательно делаю с маленьким просветом и снова мимо. Беру чуть повыше, и все оставшиеся попытки получаются точными. Хоть и с запасным патроном, зато без штрафных. Но пока возился, Сольберг сумел чуть приблизиться, отыграть несколько секунд.

На втором огневом рубеже, стоя, обошлось, к счастью, без приключений: отстрелялся быстро и точно, отправив Владимира Гундарцева на последний этап с преимуществом в минуту и 16 секунд.

Володя «лежку» отстрелял нормально. Но Истад очень быстро шел по дистанции. Когда Гундарцев стал готовиться ко второй стрельбе, на «стойке», норвежец уже к ней подкатывал. «Я начал стрелять, – рассказывал потом Владимир, – а Истад винтовку зарядил и не стреляет. Стоит и глазами меня давит. Я его взгляд почти физически на себе ощутил. Повернулся, гляжу, он винтовку опустил и на меня пристально смотрит. Такая своеобразная «психическая атака». Бог с тобой, думаю. Продолжаю стрелять: бах – мимо, снова прицеливаюсь – опять мимо. А он, видя это, начинает быстро закрывать свои мишени.

Я взял паузу, сосредоточился и тоже попал. Потом – еще раз, а Истад, напротив, промазал. И вот он, кульминационный момент: у него два последних патрона и две непораженных мишени, у меня – один патрон и одна мишень. Промахнись я – это был бы штрафной круг, и одному Богу известно, как сложилась бы в дальнейшем борьба, поскольку моя неудача могла вдохновить норвежца на точную стрельбу, а лыжи у него в тот день катили лучше. Прикладываюсь, меня от волнения болтает, винтовка ходуном ходит, а Истад снова не стреляет, опять, чувствую, меня взглядом сверлит, гипнотизирует. Нет, думаю, все равно попаду. Собрался, взял себя в руки, плавно нажал курок и попал! Этот точный выстрел все и решил, поскольку он надломил соперника. Норвежец хотел меня психологически переиграть, а в итоге проиграл сам, заработав, в итоге, два штрафных круга».

Мы выиграли эту эстафету с преимуществом в минуту и 48 секунд, став первыми в истории олимпийскими чемпионами в этой дисциплине. Это была большая победа! Я в тот день впервые видел, как руководители нашего спорта, среди которых были фронтовики, прошедшие Великую Отечественную войну, не стесняясь, плакали от счастья и гордости за нас, за нашу страну.

ПРИЗ ОЛИМПИЙЦУ

Редакция «Гудка» учредила памятные призы для спортсменов-железнодорожников — чемпионов Олимпийских игр. Одним из таких призов награжден заслуженный мастер спорта Виктор Федорович Маматов.

В. Ф. Маматов — чемпион мира по биатлону. В этом виде соревнований он добился также первенства и золотой медали на Белой Олимпиаде в Гренобле. Правительство наградило его медалью «За трудовую доблесть».

Чемпион побывал в гостях у журналистов «Гудка». Он поблагодарил за приз—киносъемочную камеру «Кварц-2» и рассказал о своих делах и планах.

— Только что, — сказал Виктор Федорович,— в Подольске закончился первый летний чемпионат профсоюзов по биатлону. В этих соревнованиях успешно выступила команда «Локомотива». Кроме меня, в ее составе был студент нашего вуза Юрий Колмаков и другие. Я вышел победителем в 15-километровом пробеге со стрельбой. Секция по биатлону Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта, где я учусь в аспирантуре, не только сильнейшая в Сибири. Ее воспитанники Ю. Колмаков, В. Багаев являются членами сборной команды СССР. Как и я, они готовятся к предстоящим зимним стартам.

Много времени, конечно, уделяю научной работе. Готовлюсь к защите кандидатской диссертации на тему «Исследование рельсошпальной решетки на асбестовом балласте».

В. МАМАТОВ.

Н. Д. Зубова, — мы занимаемся буквально всем, что имеет хоть какое-нибудь отношение к этому вкусному продукту».

Круг вопросов, которые решаются в институте, огромен. Здесь и создание совершенных холодильных машин и аппаратов, и улучшение изоляционных конструкций холодильников, и разработка нового торгового оборудования, и многое другое.

Даже в самые жаркие летние дни в операционных больниц будет прохладно. Нужную температуру и влажность воздуха в помещении поддержит кондиционер с термоэлектрическим полупроводниковым охлаждением. Аппарат передвижной и очень удобный в эксплуатации. Создали его в лабораториях холодильного торгового оборудования и кондиционирования воздуха и термоэлектрического охлаждения.

В одной из камер и... рулевое управление ... предназначенных для р... ловиях Крайнего Севера...

В стенах института ... строгий экзамен многие ...

Моя «профильная» газета «Гудок», поздравляя меня с олимпийской победой, не могла удержаться от гордости за то, что я на тот момент продолжал работу над серьезной «железнодорожной» диссертацией

Здравствуй, чемпион!

Несколько дней подряд в Германской Демократической Республике, в городе Альтенберге, шли упорные состязания биатлонистов, выступавших в розыгрыше первенства мира. В этом соревновании участвовали и двое наших земляков — Виктор Маматов и Александр Тихонов. Новосибирцы уже знают о блестящей победе сибиряка, аспиранта Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта Виктора Маматова, получившего золотую медаль чемпиона мира. Сибиряк показал лучшее время состязаний, отлично поразил цель.

Вчера наши спортсмены вернулись в родной город. В Толмачевский аэропорт встречать героев спортивных состязаний пр... представител... партийны... мольски... ций, сп... ществен...

Само... подрули... нию аэр... трапу Виктор Алексан... Новосиб... чо по... победой мира, вр... сменам тов, под...

Заместитель председателя облисполкома Ф. Ф. Глушков поздравляет с успешным выступлением в Альтенберге, желает спортсменам дальнейших успехов в жизни, работе, спорте.

Под громкие аплодисменты собравшихся выступает чемпион мира. Виктор Маматов благодарит ...

В стрельбе они уже не смогли соперничать с нами.

Корреспондент беседовал также с тренерами: В. Маматова — А. Осташевым, и А. Тихонова — Е. Глинским.

— Соревнования по биатлону требуют большой выдержки ...

лек за собой но... ских лыжнико... «сбил их с дых...

ЧЕМПИОНЫ ВРУЧАЮТ ЗНАЧКИ

Виктор Маматов и Александр Тихонов, пожалуй, сейчас самые популярные спортсмены в нашем городе.

Вот и позавчера состоялась интересная встреча знаменитых биатлонистов с учащимися техникума физкультуры. Зал был наполнен до отказа.

В. Маматов и А. Тихонов поделились своими впечатлениями об Олимпийских играх, о пребывании в столице Франции — Париже.

Затем в торжественной обстановке олимпийские чемпионы вручили шестидесяти учащимся значки первого разряда. Коллективу техникума они преподнесли сувениры-флажки Белой Олимпиады и миниатюрные лыжи.

...атов и Александр ... Новосибирского тех... ...туры.

Фото В. Скока.

Для Новосибирска и области мы с Тихоновым были в 1968-м спортсменами года – первые новосибирцы-олимпийские чемпионы

И еще я никогда не забуду, с какой помпой нас с Тихоновым встречали в Новосибирске. Вначале чемпион мира, затем сразу два олимпийских чемпиона из одного города! Мы утерли нос тем, кто еще недавно утверждал, что в Сибири нет и не может быть большого спорта и биатлона, в частности. Еще раз доказали всем, что сибиряки – это особая каста людей, способных на многое!

В этой связи вспоминаю разговор, который состоялся у меня в феврале 1967 года, накануне отъезда на чемпионат мира в Альтенберг.

Перед этим нам дали три дня выходных, и мы отправились с Сашей Тихоновым в Новосибирск. Самолет сел в Свердловске на дозаправку, но на улице было минус 35 – и взлететь уже не получалось из-за обледенения. Мы с Тихоновым спали на вокзале по очереди, подстелив газетку. В Новосибирске в итоге время осталось только на то, чтобы собрать вещи и попрощаться с женой, заскочив к ней на работу. Там встретил коллегу моей супруги Галину Масюк, она была медсестрой в сибирской дивизии, воевавшей под Москвой в 1941-м. Галина мне и говорит: «Виктор, ты же в Германию едешь? Вот и покажи им, что ты сибиряк! Мы под Москвой дали им так, что у них от одного только слова «сибиряк» поджилки тряслись!»

Мне эти слова запомнились. Масюк тогда меня так зарядила, что я выиграл не только чемпионат в Альтенберге, но и все последующие соревнования на территории Германии, в которых участвовал. За всю карьеру ни разу там не проиграл! Так что, иногда правильное и к месту сказанное слово может оказать очень сильное психологическое воздействие и многое решить.

После Гренобля я продолжал тренироваться и успешно выступать. Выигрывал практически все международные соревнования, в которых стартовал. В 1970 году стал победителем Спартакиады народов СССР, прошедшей в Миассе Челябинской области. Думаю, что выиграл бы и индивидуальную гонку на чемпионате мира в шведском Эстерсунде, если бы не поддался уговорам Привалова, пробежать за три дня до начала чемпионата контрольную тренировку. Долго отказывался, ссылаясь на то, что незадолго до приезда в Эстерсунд провел тяжелейшую гонку в Норвегии, говорил о том, что мне надо отдохнуть, чтобы успеть восстановиться (чувствовал, что если соглашусь на этот старт, меня может не хватить на основные соревнования), но Привалов не отступал: просто, говорит, прокатись и все. «Ну, как это «просто прокатись», я ведь спортсмен – могу завестись?» «А ты не заводись, – настаивал он. – Я тебя прошу: если откажешься, это может ударить по моему авторитету, поскольку я уже пригласил к участию в этой контрольной гонке иностранцев».

В общем, я побежал и, к сожалению, случилось ровно то, что я и предполагал. Встретились на трассе на параллельных курсах с одним членом нашей команды, сказали друг другу несколько ласковых слов (не хочу называть ни фамилии этого спортсмена, ни сути выбившего меня из равновесия диалога) и я, естественно, завелся. Да так, что

спорт

70

СБОРНАЯ СССР ПО БИАТЛОНУ

Чермашкин В.Г.
мастер спорта
тренер врач.

Привалов А.В.
засл. мастер спорта СССР,
засл. тренер СССР.

Иерусалимский В.
мастер спорта,
засл. тренер СССР

Соболев В.М.
тренер-массажист участник
VIII Олимпийских Игр.

Гундарцев В.
засл. мастер спорта,
чемпион Олимпийских
Игр и Мира.

Тихонов А.
засл. мастер спорта,
чемпион Олимпийс-
ких Игр и Мира.

Маматов В.
засл. мастер спорта,
чемпион Олимпийских
Игр и Мира.

Сафин Р.
засл. мастер спорта,
чемпион Мира.

Ушаков А.
засл. мастер спорта,
чемпион Мира.

Толкачёв В.
мастер спорта,
чемпион Мира.

Буранов Г.
чемпион Мира, СССР
среди юниоров.

Кузьмин Е.
мастер спорта.

Колмаков Ю.
мастер спорта,
чемпион СССР.

Бяков И.
мастер спорта
призёр кубка СССР.

Урбанович В.
мастер спорта,
чемпион СССР

«привез» в итоге на финише второму призеру почти четыре (!) минуты.

А через три дня, когда пришло время стартовать на чемпионате, чувствую, свежести не хватает, какая-то внутренняя расслабленность, с которой ничего сделать не могу.

Но побежали. Тихонов сразу лидерство захватил, я за ним, на второй позиции. На первом отрезке отставание 17 секунд, на втором – те же 17, на третьем – снова 17, как заколдованные. Он увеличить отрыв не может, я догнать не могу. На последнем огневом рубеже смотрю: у меня винтовка чуть правее пошла. Думаю: «Ничего, зацепит». Нажал курок и получил минуту штрафа. В итоге только третье место после Тихонова и норвежца Тора Свендсбергета.

Сказать, что было обидно, значит, ничего не сказать! Уверен был: если бы контрольный старт пропустил, разделался бы на чемпионате со всеми. Мне необходимо было время на то, чтобы восстановиться после соревнований в Норвегии, и этого времени на восстановление нужно было больше чем другим, поскольку я был на десять лет старше всех в команде.

Чемпионом мира в 1970-м я все-таки стал, выиграв вместе с Александром Тихоновым, Ринатом Сафиным и Александром Ушаковым золото в эстафете. В 1971-м на чемпионате мира в Финляндии, в Хяминлинне, мы практически этим же составом (только вместо Ушакова бежал Николай Михитов) вновь стали первыми в эстафетной гонке. В том же году после серьезной подготовки на Сахалине приехали на предолимпийскую неделю в Саппоро, где я выиграл индивидуальную гонку. Сафин был вторым, Тихонов – третьим, но потом его дисквалифицировали за то, что заблудился на трассе: вместе третьего круга пробежал четвертый, после чего вернулся на третий.

Мы видели, что команда находится в хорошей кондиции, что модель подготовки к Олимпиаде найдена правильно. Тем не менее, в предолимпийской эстафете оказались только третьими. Неудачно пробежали свои этапы Тихонов с Ушаковым. Сафин немного подтянулся к лидерам, тем не менее, закончил свой отрезок четвертым.

Он еще был на трассе, когда, вдруг, подбегает ко мне один из наших тренеров Евгений Рудковский. Глаза горят: «Виктор, я только что попробовал рыжий «экселит». Эта мазь великолепно работает!» «Десять минут назад пробовал – не едет», – попытался я возразить. «За десять минут мороз отпустил, ты на своей смазке прилипнешь».

В общем, уговорил. Начали мы ножом прежнюю смазку срезать, наносить новую. Успели к передаче эстафеты. Ушел я на дистанцию. Бегу – лыжи катят прекрасно. На первом подъеме тоже вроде все нормально. Но уже на следующем спуске чувствую, начало немного «присасывать». На втором подъеме стало вообще невозможно: лыжи «отдавали» так, что не зацепиться. Все на прямых бегут, а я – «елочкой». Только подбегу на подъеме к шедшим впереди соперникам, они со спуска снова уходят. Впереди меня в каких-то 20 метрах шел японец, а я так и не смог ничего с ним сделать. Одну позицию, правда, до этого удалось отыграть, но норвежцев и японцев обойти не получилось.

В финишной зоне ко мне подошли председатель Спорткомитета СССР Сергей Павлович Павлов и посол Советского Союза в Японии Олег Александрович Трояновский. Поздравили. «С чем, – спрашиваю, – победить-то не удалось?» «С тем, что здорово работал, – говорят, – вон пот до сих пор ручьем течет». А я, действительно, с такими проблемами со смазкой взмок основательно.

Сели, поговорили. Сафин еще к нам присоединился. «Знаю, что в Норвегию после этого едете, – сказал Павлов, – там уж постарайтесь! Не давайте норвежцам лишний психологический козырь».

А в Норвегии нам предстояло участвовать в ответном товарищеском матче с местными биатлонистами. Тогда еще не было Кубка мира с его этапами, поэтому были придуманы такие встречи. Первая состоялась в 1968 году в Новосибирске, сразу после Олимпиады в Гренобле. Там, кстати, мы эстафету тоже по ходу проигрывали, уступали перед последним этапом норвежцам минуту и 40 секунд, но мне удалось отыграть их не у кого-нибудь, а у самого Сольберга. Это была впечатляющая победа! Весь Новосибирск тогда гудел.

В ответном матче в первый день бежали парами, по одному спортсмену от каждой команды. Перед стартом нам тренерами была поставлена задача: каждый должен обязательно выиграть у своего соперника. Так и получилось, и судьба матча (если считать очки) была решена уже после первого вида программы.

Во второй день соревнования посетил король Норвегии Олаф V вместе со своей многочисленной свитой. Кто-то из норвежцев сказал нам, что Рагнер Твайтен, который в первый день бежал со мной в паре, в свое время учился где-то вместе с королем, и тот приехал поболеть заодно и за своего сокурсника.

МАТЧ БИАТЛОНИСТОВ СССР—НОРВЕГИЯ

НЕВОЗМОЖНОЕ... ВОЗМОЖНО!

Драматичной была борьба во вчерашней дуэли сильнейших биатлонистов сборных Нор-

он сломал палку, на шла замена, соперники ушли далеко вперед.

На первом рубеже

Матчевые встречи биатлонистов СССР и Норвегии были в период с 1968 по 1972 год аналогом нынешних «Гонок чемпионов» – ведь все действующие обладатели золотых олимпийских и мировых наград выступали за эти две сборные

У нас на первом этапе, как всегда, бежал Саша Тихонов, который передал эстафету Александру Ушакову на секунду позже Ивара Норкильда. Ушаков накануне показал лучшее время на дистанции 20 км, но в этот день у него что-то не заладилось со стрельбой: долго выцеливал, заработал два круга штрафа и, как результат, после второго этапа мы проигрывали уже две с половиной минуты.

Тем временем снег, который на момент старта был небольшим, усилился. Потом внезапно почти прекратился. Ринат Сафин, которому наши смазчики успели в этих переменных погодных условиях подобрать оптимальный вариант мази, пробежал свой этап вроде бы неплохо, но сумел отыграть только одиннадцать секунд. Помню, когда передавал мне эстафету, в сердцах выкрикнул одно крепкое русское словцо, которое идеально рифмуется со словом «конец». Ситуация, действительно, была практически безнадежной. Оставалось всего 7,5 километра дистанции с двумя огневыми рубежами, а отрыв норвежцев составлял 2 минуты 19 секунд!

Рванул я за ушедшим далеко вперед соперником, а про себя думаю: «Твайтен же по натуре трус». Он, действительно, не отличался большой психологической устойчивостью, в чем я не раз убеждался, встречаясь с ним раньше в очных дуэлях. Он меня откровенно боялся, как, впрочем, и другие норвежцы, включая их бесспорного лидера на тот момент Магнара Сольберга. Его пробовали несколько раз против меня ставить на последнем этапе, и он всегда получал по полной.

Ну, короче, решил я снова попробовать испытать Твайтена на прочность, и, как поется в известной песне Владимира Высоцкого, рванул на 10 тысяч метров (в данном случае на 7,5 тысяч), как на 500. Включил максимальную скорость, пробегаю мимо нашего тренера Владимира Иерусалимского и слышу, как тот, не глядя на трассу, говорит запасному сборной Вячеславу Толкачеву: «Где-то через 40 секунд Витька должен появиться». Они стояли на горе, а я бежал ниже по трассе. Кричу Иерусалимскому: «Владимир Вениаминович, я уже здесь! Лыжи скорее ставьте!»

Дело в том, что у меня к тому моменту снег начал к лыжам прилипать, а в таких случаях для того, чтобы его срезать, мы всегда прибегали к много раз проверенному приему: проезжали по другим лыжам, поставленным ребром на трассе. Но не ожидавший так быстро меня увидеть Иерусалимский растерялся и, вместо того, чтобы положить лыжи носками вверх, поставил их носками вниз, под гору. Я проехал и чуть не пропахал носом снег. Но, к счастью, удержался и хоть и вышел небольшой сбой, но потери оказались минимальными.

Между тем, как мне потом рассказали, Твайтен добежал до первого огневого рубежа, всем своим видом показывая, что торопиться незачем – победа почти в кармане. Картинно поклонился королю и его свите, воткнул палки в снег, повесил на одну из них снятую перчатку,

1971 год. Бакуриани – место, где ковались победы лыжных и биатлонных сборных Советского Союза

и начал готовиться к стрельбе лежа. Первый выстрел – точно в цель, второй – тоже. Болельщики зашлись в восторге. Наверное, норвежец столь уверенно стрелял бы и дальше, но в этот момент солдат-волонтер, который стоял на подходе к стрельбищу, объявил по радио, что к огневому рубежу приближается Виктор Маматов.

Твайтен, как и несколько ранее Иерусалимский, явно не ожидал, что я так быстро появлюсь в опасной близости. Услышав мою фамилию, он повернулся и, увидев меня, бегущего среди берез, дрогнул, если ни сказать сильнее. По крайней мере, все оставшиеся патроны, в том числе и запасные, он расстрелял в «молоко» Представляете, шесть выстрелов и все мимо! Три штрафных круга! Мои расчеты оправдались на сто процентов!

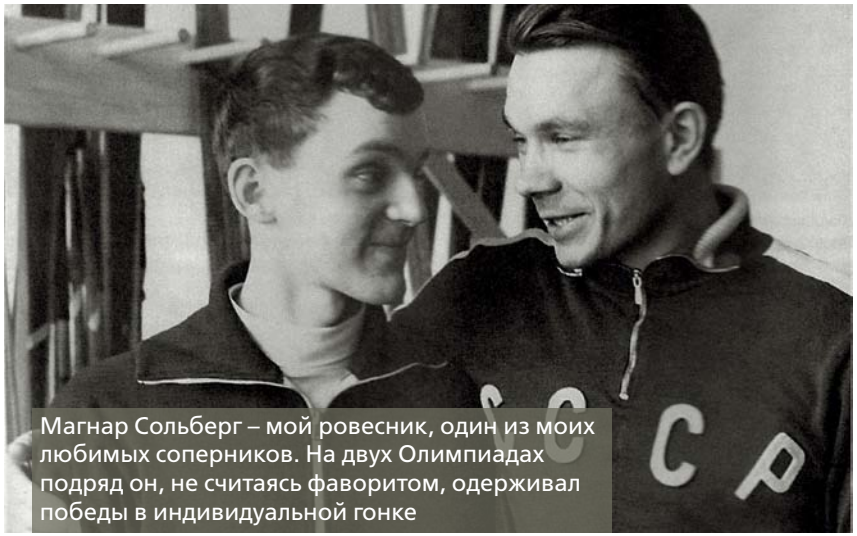
Быстро отстрелявшись без промахов, я полетел на крыльях теперь уже к победе. И, вдруг, вижу бегущего параллельным с трассой курсом запасного норвежского команды Тора Свендсбергета. С широкой улыбкой на лице он показывает мне три пальца, поднятых вверх. Думаю, чего это он такой веселый? А потом выяснилось, что Свендсбергет, которого в тот день вытеснил из состава эстафетной команды Норвегии однокурсник короля Твайтен, искренне радовался неудаче товарища по сборной (у них тоже была острая конкуренция). А три пальца вверх – это означало три штрафных круга, заработанных моим соперником.

В стрельбе стоя у меня тоже никаких проблем не было. Они неожиданно случились там, где я их меньше всего ожидал, а именно на последнем небольшом подъеме, протяженностью 15-20 метров. Когда стрельба закончилась, и все стало ясно, по этому склону в сторону стадиона прошла вся королевская свита (а это несколько десятков человек), превратив его в снежную кашу. Я подбегаю к нему, ставлю палку – она проваливается, ставлю вторую – та же история. По колено провалился, встать не могу. Что делать? Не знал же в тот момент, насколько далеко отстал Твайтен. Палки вытащил и на четвереньках, как собака, пополз наверх. К счастью, недолго ползти пришлось. Наверх взобрался, смотрю, вся свита короля с криками «браво!» мне аплодирует. А когда финишировал, вся наша команда, включая сервисменов, начала меня качать на руках.

А Твайтен закончил бег только через четыре минуты после меня. Вот как его психологически вырубило. Он и физически развалился. Тогда я еще раз убедился, что значит правильно нанести удар.

Радость от той победы была большой. Во-первых, у нас норвежцами тогда шла принципиальная борьба, и к этим матчам обе стороны относились более чем серьезно. Значимость их была очень велика. Во-вторых, такие победы не могут не радовать, поскольку психологически очень действуют на соперников. Проиграть на отрезке 7,5 км более шести минут (с учетом гандикапа), да еще на глазах всего руководства страны – морально восстановиться после такого, согласитесь, чрезвычайно трудно.

В этот же день всю нашу команду пригласили на торжественный ужин в посольство СССР в Норвегии. Светской публики там собралось очень много. Под показ кинокадров, снятых во время прошедше-



Магнар Сольберг – мой ровесник, один из моих любимых соперников. На двух Олимпиадах подряд он, не считаясь фаворитом, одерживал победы в индивидуальной гонке

го матча, военно-морской атташе посольства представил нас гостям. Естественно, мы сразу оказались в центре внимания. Ко мне, помнится, подошли американец с канадцем. Узнав, что я родом из Сибири, да к тому же являюсь дипломированным инженером-строителем, впечатлились, как мне показалось, еще больше: засыпали вопросами.

Я в свою очередь, спросил, почему в их странах не развивается биатлон (а тогда его в Америке, действительно, не было). Посмотришь, говорю, ваши фильмы, сделанные в Голливуде, там ковбои демонстрируют виртуозную технику стрельбы, на скаку одним выстрелом любую цель поражают, а биатлонистов у вас нет. «Обязательно будут! – пообещали они мне. – Скоро создадим команды». И ведь, действительно, создали.

Уверен, что наши победы, такие, как в матче с Норвегией за год до Олимпийских игр в Саппоро, сыграли в этом немаловажную роль. Впрочем, та что была в самой Японии, получилась не менее яркой.

Олимпиада-1972 в Саппоро – одна из самых ярких страниц моей спортивной биографии, в которой нашлось место и для триумфа и для фатального невезения, случившегося в индивидуальной гонке.

Накануне Привалов, как всегда, спросил, в какой группе хочу бежать. Как лидер команды, я имел право на выбор. «В первой, – говорю, – не хотелось бы: погода здесь часто меняется. Может быть, во второй?» «Ну, давай во вторую», – согласился Александр Васильевич. В первую поставили Сафина, в третью – Тихонова, последним бежал новичок сборной Иван Бяков.

Только началась гонка, как, словно по чьему-то злому заказу, повалил снег. Когда на огневой рубеж пришел стартовавший под первым номером японец Сасаки, мишени еще как-то просматривались. Он что-то там настрелял и побежал дальше. Потом видимость вообще приблизилась к нулю. Я стартовал под 15-м номером. Прибегаю на первую стрельбу, смотрю, Сафин, который ушел на дистанцию восьмым (а мы стартовали с минутным интервалом) еще на огневом рубеже. Долго выцеливал, как все, хотел до верного довести. А я понял, что тут надо рисковать. Изготовился: бах, бах, бах и вперед. На первой отметке после стрельбы лежа, я уже, представляете, семь минут у всех выигрывал! И, вдруг, стоп, меня останавливают. Что такое? Оказывается, из-за усилившегося снегопада принято решение соревнования отменить и перенести их на следующий день. А я уже почти полдистанции пробежал...

На следующий день уже не было того запала и энергии. Пустота какая-то внутри была. Шел тяжело: видимо, перегорел психологически. В итоге с двумя штрафными минутами занял седьмое место, повторив результат четырехлетней давности в Гренобле. Тихонов с четырьмя промахами финишировал четвертым, Бяков (три промаха) – 12-м, Сафин (семь промахов) – 19-м.

А золото вновь, как и в 1968 году, выиграл 35-летний норвежец Магнар Сольберг, став на тот момент самым возрастным в истории зимним олимпийским чемпионом в индивидуальных соревнованиях.

Свою вторую Олимпиаду я проводил в возрасте 35 лет. До сих пор ни один наш биатлонист не завоевывал олимпийского золота в столь «зрелые» годы

Тридцать пять он, кстати, справил всего за пять дней до этой гонки. Мне тоже в тот год исполнилось 35, правда, в июле.

В эстафетной гонке, ставшей в итоге для нас победной, тоже не обошлось без приключений. На первом этапе Тихонов в довершении к нескладывающейся для него в тот день стрельбе (три дополнительных патрона с двумя штрафными кругами) сломал за три километра до финиша лыжу. По рации с дистанции сообщили о случившемся. Наши тренеры начали срочно готовить запасную, но до места, где ее можно было передать, Саше надо было еще проковылять почти километр. И тут чемпион мира 1971 года на дистанции 20 км Дитер Шпеер из команды ГДР, который должен был бежать на третьем этапе, предложил ему свою. Этот поступок навсегда останется в истории олимпийского движения, как пример истинного спортивного благородства, ведь сборная ГДР, как и наша команда, была одним из претендентов на победу и к тому моменту шла на втором месте после японцев.

Естественно, лыжа Дитера Тихонову как следует не подошла, но, куда было деваться? Прижал ее и побежал. Быстро потом поменял, но все равно передал эстафету Сафину только девятым.

Ринат, безусловно, стал главным героем той гонки, отличной стрельбой переломив ее ход в нашу пользу. Показав на этапе второе время дня (26.48,52), он с нулем штрафных кругов отправил Бякова на дистанцию первым. Ивану хоть и пришлось после первой стрельбы пробежать один штрафной круг, но лидерство он сохранил, передав мне эстафету с 32-секундным преимуществом над ближайшими соперниками – финнами, которые обошли немцев после того, как Шпеер плохо отстрелялся в «стойке», заработав два штрафных круга.

У меня же небольшой казус случился после того, как отстреляв в «лежке» без штрафа (хоть и с одним запасным патроном), рванул навстречу победе и вопреки предупреждениям тренеров – не торопиться, не спешить (в запасе было почти полминуты) – влетел в канаву на участке, где многие до меня упали. Все-таки удержался, но меня развернуло на 180 градусов, и я оказался над канавой, как на рессорах. «Чуть надавлю, – подумал в тот момент, – и сломаю лыжи». Они тогда были деревянными.

Потихоньку развернулся, опершись на палки, вышел оттуда, обругав себя последними словами за такую ошибку, и дальше побежал. Со

В 1972 году мне казалось, что Саппоро – последняя Олимпиада в моей жизни. Однако сколько еще Олимпиад ждало меня! Ждало как тренера, как спортивного руководителя…

злости на втором огневом рубеже пять из пяти патронов за 28 секунд расстрелял, как из автомата. Когда закончил стрельбу, никто из соперников еще даже до стадиона не добрался.

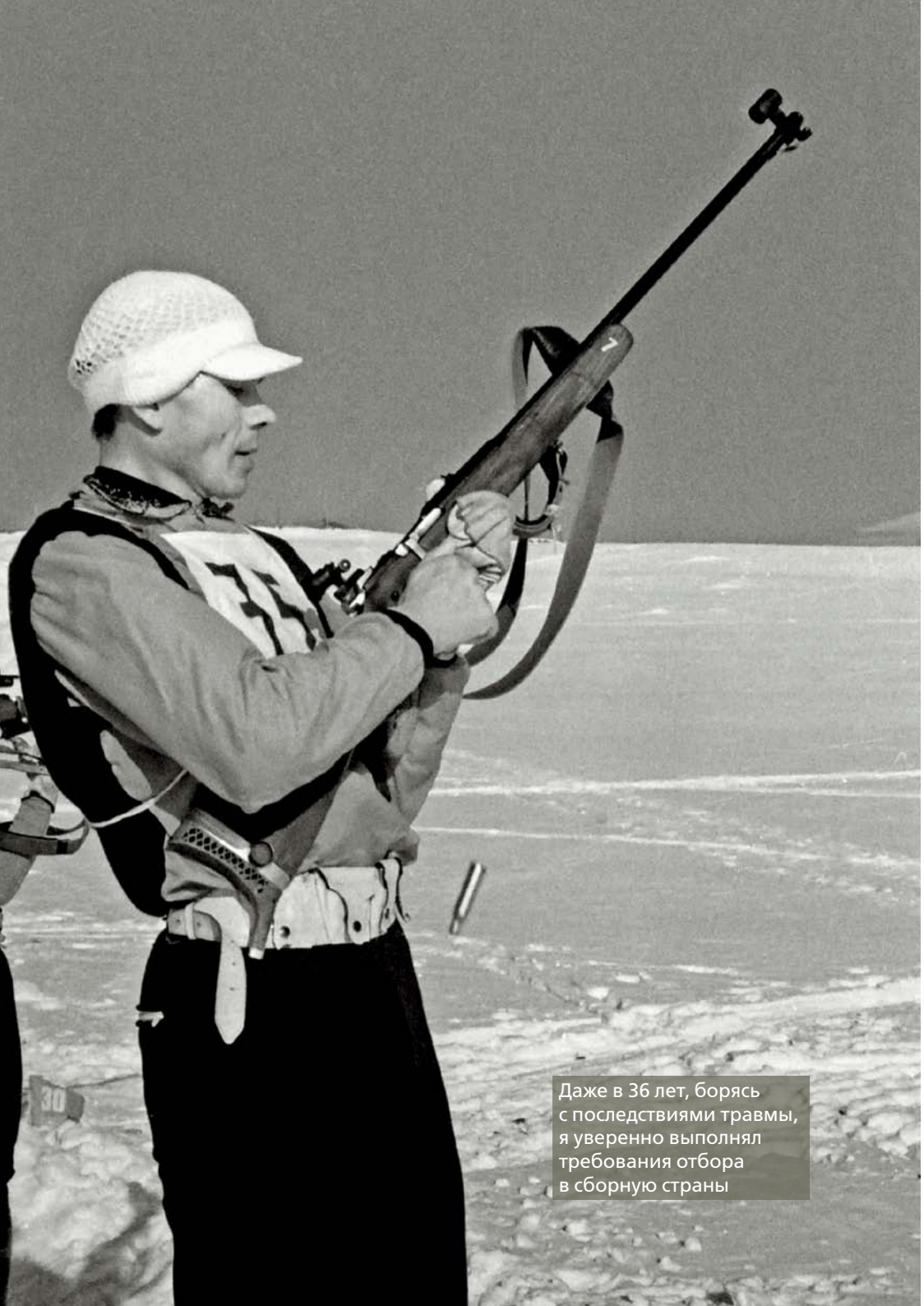
Стрельба стоя всегда была моей коронкой. Если лежа попадал, считали: всё, в стойке-то точно будет нормально! Вспоминаю в этой связи матч СССР-ГДР в Ленинграде. Прибегаю на «стойку» последним (Николай Пузанов тогда завалил свой этап) – все стоят, выцеливают. Я изготовился – бах, бах, бах, очередь выдал и пошел. Когда только подбегал к рубежу, кто-то крикнул: «Витька идет!», и у всех соперников коленки задрожали.

Ну, ладно. Вернемся в Саппоро, где сразу после победы нам дали премию – по 500 долларов. Вот это уже были деньги! Мы с женой (а тогда мне одному впервые разрешили взять на Олимпийские игры жену) хорошей японской посуды накупили (один столовый сервиз до сих пор дома сохранился), ну и, конечно же, радиотехнику.

Вообще, в разных качествах я был на тринадцати Олимпиадах, многое, понятно, видел, но Саппоро с каким-то особым чувством вспоминается. Атмосфера открытости, дружбы, тепла. Мы часто и привычно говорим о том, что Олимпийские игры – это не только соревнования, но и праздник мира, дружбы и взаимопонимания молодежи разных стран. Но, положа руку на сердце, надо признать, что не всегда они соответствуют всем этим критериям. Взять хотя бы летние Игры 1972 года в Мюнхене, где от рук террористов погибла почти вся сборная Израиля. Давление политики на спорт с каждым годом становится все сильнее.

А в Саппоро был вселенский праздник. Прекрасные вечера организовывались в Олимпийской деревне – народ собирался, танцевал, пел, отношение друг к другу было, как к самым близким друзьям. Такого больше я нигде не видел. После того как в том же году в Олимпийской деревне в Мюнхене случился теракт, все это разом было нарушено: начались всякие запреты, пропускные режимы, проверки.

Мне, как железнодорожнику, очень понравилось японское метро, которое я воспринимал, прежде всего, с профессиональной точки зрения. Тогда первый раз увидел монорельс, по которому курсировали поезда на колесах с резиновыми шинами. На таких скоростных поездах



Даже в 36 лет, борясь с последствиями травмы, я уверенно выполнял требования отбора в сборную страны

нас доставляли к месту соревнований. Быстро, бесшумно, комфортно, надежно: расписание соблюдалось секунда в секунду. Конечно, все это впечатляло: в Советском Союзе о таком транспорте в то время только мечтали.

Запомнилась также экскурсия на фирму «Сейко», куда еще до соревнований нас пригласило руководство компании. Когда вечером вышли оттуда (а дом, в котором проходил прием, находился на горе), перед нами открылась великолепная картина: весь Саппоро как на ладони в неоновых огнях. Глаз было не оторвать от этого прекрасного огненного цветка. В СССР ночной рекламы тогда тоже не было.

После Саппоро я выступал еще год. Параллельно с этим работал «играющим» тренером молодежной сборной СССР. После года работы на этом поприще двое моих ребят попали в десятку лучших в стране. Один из них – Сергей Бусов, который в 1973-м выиграл «Ижевскую винтовку».

В том же году стартовала подготовка к чемпионату мира, который должен был пройти в Лейк-Плэсиде, а у меня, как назло, начала болеть нога. Продолжал выступать и на достаточно приличном уровне, но боль в ноге не проходила, мешая выкладываться в полную силу. Чего только врачи не перепробовали – все бесполезно. Помогла только настойка золотого корня, которую начал пить по 20 капель два раза в день.

Но долгое лечение все-таки не прошло бесследно. На последнем отборочном старте, который проходил в Цахкадзоре, гонку на 20 км пробежал тяжело. Хоть и финишировал седьмым, но все равно оказался третьим среди тех, кто в итоге поехал на чемпионат мира.

Эстафету бежал в составе команды Новосибирской области. Первым ушел на свой этап. За мной один за другим все сборники – Ринат Сафин, Александр Ушаков, Янис Чаурс и другие. Иду и думаю: как же их наказать? Решил попробовать сделать это перед второй стрельбой. «Лежку» отстреляли и опять также «паровозом» пошли. Далее длинный подъем. Резко сбавляю скорость перед ним: пусть, думаю, успокоятся, расслабятся, решив, что Маматов «сдох». Не забывайте, что мне 36-й год на тот момент шел. Потихоньку до середины подъема добрался, а потом, как «втопил» на всю катушку! Они этот рывок явно прозевали: когда глаза подняли, я уже на 15 метров от них убежал. Подошел к огневому рубежу, быстро отстрелялся и ушел. А соперники почти все «закрутились» на штрафные круги: выложились, видимо, сильно в погоне за мной. Когда я финишировал, никого и близко не было. Второй только через полторы минуты после меня пришел. Мой результат в той гонке оказался абсолютно лучшим.

Но на чемпионат мира в Америку я в итоге не поехал. В конкурентной борьбе за попадание в состав динамовские и армейские тренеры объединились против моего участия в чемпионате. Как выразился один из них, «слишком популярным Маматов стал – пора убивать». Я

говорил главному тренеру сборной Привалову: «Давайте, последний раз съезжу. Даже гонку не буду бежать. Поставьте только в эстафете: пробегу в последний раз и на этом закончу». Но Александр Васильевич не решился конфликтовать с большинством.

Незадолго до отъезда команды в США в Новосибирске прошло первенство области. В эстафете Тихонов, который, как известно, в Лейк-Плэсиде завоевал две золотые медали, бежал за «Динамо», я – за «Локомотив». На огневых рубежах оба отстрелялись без промахов, а ходом я у него выиграл 32 секунды.

Об этом, естественно, сообщили Привалову, сказали, что Маматов находится в очень хорошем состоянии и его надо брать на чемпионат. Федор Степанович Горячев, первый секретарь Новосибирского горкома партии, звонил даже председателю Спорткомитета СССР, но Павлов ответил, что вопросами формирования состава сборной занимается тренерский совет.

В общем, чемпионат мира 1973 года прошел без меня. Но я взял своеобразный реванш на чемпионате СССР, который состоялся в Кирово-Чепецке по возвращению команды из Лейк-Плэсида. Я приехал туда сразу после успешного выступления на турнире профсоюзов, где выиграл оба старта. В первой гонке чемпионата страны после «стойки» опережал ближайшего преследователя на 15 секунд. Шел к верной, казалось бы, победе, но не заметил колею, выбитую лыжами в мягком снегу у мостика, под которым проходила трасса, и влетел туда с поворота на полном ходу. Слышу: хрясь, – левая лыжа треснула под тяжестью тела. Пополам не раскололась, но снизу образовалась острая лучина. Делать нечего – надо бежать дальше. В подъем еще кое-как, а со спуска, словно на тормозах – из-под этой лучины поднимался фонтан снега. Приподнимал левую ногу, катил на одной правой и как только чувствовал, что левая затекает, снова ее ставил. Так с грехом пополам добрался до финиша, но победить все-таки не удалось: пропустил вперед Ивана Бякова, которого тоже не взяли на чемпионат мира. Десять секунд ему уступил, а все сборники сзади оказались.

Потом была эстафета, в которой я показал лучший результат. А в марте того же года в Новосибирске прошли мои официальные проводы в рамках матча СССР-ГДР. Индивидуальную гонку я выиграл без штрафных минут. В эстафете бежали четыре команды – ГДР, первая и вторая сборные СССР и команда Новосибирска, в составе которой на последнем этапе был я. Эстафету получил последним. Впереди Тихонов в двух минутах и 47 секундах от меня. Далее – команда ГДР и вторая сборная СССР. Я взялся за дело сразу, начав вкалывать с первых же метров. После первой стрельбы переместился на вторую позицию. К «стойке» подхожу, смотрю: Тихонов еще на рубеже, запасные патроны использует. Я очень быстро отстрелялся и ушел на дистанцию лидером. Саша меня догоняет: дай, говорит, пройду. «Ну, проходи». Он вышел вперед, но на спуске, оттолкнувшись, чувствую, накатываю на него. Кричу ему: «Толкайся, толкайся!..»

На следующем подъеме он опять работает на всю катушку, но я цепляюсь за него, а на спуске та же картина: накатываю и снова легко догоняю. «Ну, все, – думаю, – далее подъем, а потом длинный спуск. Там всегда много зрителей, там я мимо него проскочу и уйду». У меня лыжи заметно лучше катили – успели их перемазать, перед передачей эстафеты.

Александр, видимо, просчитал мой план, повернулся и спрашивает: «Ну, что, вместе будем финишировать?». Я засомневался: «Наверное, нет: обманешь ведь». Но он уже принял для себя решение: «О чем ты, Федорыч? Какой обман?» «Ну, смотри, – говорю ему, – а то я сейчас уйду». В общем, договорились. Подкатываем к стрельбищу – народу полно! Обнялись, в обнимку и финишировали. Так завершилась моя последняя в карьере гонка.

Меня, конечно, уговаривали остаться, говорили, что в сборной нет четвертого этапа. Я отказался, сказав, что не смогу быть с теми, кто наплевал мне в душу.

ПОБЕДИТЕЛИ!

Виктор МАМАТОВ

Борис ИВАНОВ

Вчера в Новосибирске на лыжной базе «Строителя» начался чемпионат СССР по биатлону.

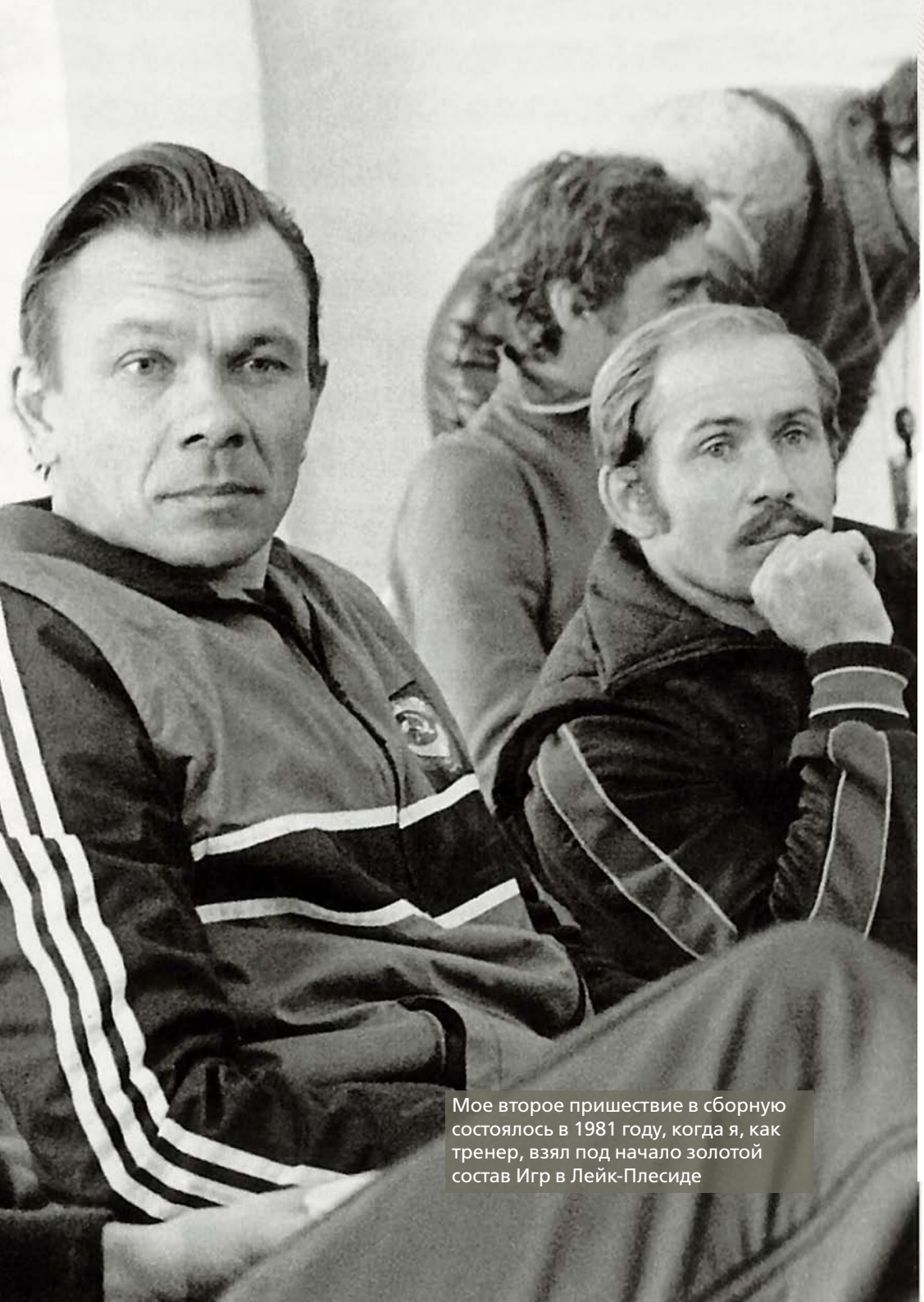
Большого успеха добились наши земляки — заслуженный мастер спорта В. Маматов («Локомотив»), почетный мастер спорта Б. Иванов («Динамо») и мастер спорта Ю. Колмаков («Локомотив»).

В инд… стрельб… соответственно заняли первое, второе и третье места.

Наши земляки задали тон и в командных соревнованиях. Они стали лидерами, значительно опередив ближайших соперников.

Подробный отчет о со… те на 4-й…

Поговорка «Первый в мире – второй в Сибири» родилась как раз в годы моей спортивной карьеры. Поводом были наши спортивные результаты



Мое второе пришествие в сборную состоялось в 1981 году, когда я, как тренер, взял под начало золотой состав Игр в Лейк-Плесиде

Главный тренер сборной

После окончания карьеры в спорте я продолжил работать тренером молодежной сборной, и довольно успешно. Учился параллельно на заочном отделении Омского государственного института физкультуры. А через три года меня вызвали в обком партии и предложили должность директора Новосибирского техникума физической культуры. Я сначала отнекивался, напирая на то, что такая работа вроде как мне не свойственна. Но в обкоме настояли, напомнив, что я и старшим инженером работал, и обязанности заместителя директора завода исполнял. Значит, опыт какой-то был. В конце концов, дал согласие. Прилетел в Москву в Госкомитет профтехобразования, в ведомстве которого находился техникум. Там меня утвердили на эту должность.

Пять лет я отработал в техникуме. Построил за это время семь объектов. Удалось выбить на это деньги. За пятьдесят лет своего существования техникум не имел ни одного собственного здания, только арендовал, а тут за пять лет обзавелся учебным корпусом, конференц-залом, столовой, гаражом, общежитием на 537 мест, загородной базой.

И вот, когда дела наладились и пошли в гору, неожиданно получаю из Москвы приглашение возглавить национальную сборную СССР по биатлону, сменить на этом посту Александра Васильевича Привалова. Я отказался. После этого, начиная с марта 1981 года, мне еще шесть раз звонили с таким предложением, но всякий раз удавалось откручиваться.

Дело в том, что в Новосибирске я чувствовал себя абсолютно на своем месте. Уже жил этой работой. Были большие планы на будущее: под флагом техникума строил (в буквальном смысле) семизальный корпус института физкультуры, ректором которого собирался стать. Тогдашний министр высшего и среднего специального образования СССР, член ЦК КПСС Вячеслав Петрович Елютин поддерживал меня в этом. Я уже предзащиту прошел с хорошими отзывами и рецензиями. Кандидатская была на носу и тут это приглашение.

Когда мне в очередной раз позвонил один из наших новосибирцев (не буду называть его фамилию) и предупредил о том, чтобы я был готов к вызову в Москву, где мне сделают очередное предложение (при этом сослался на то, что был в ЦК и там вопрос о моем назначении на должность главного тренера практически решен), я отнесся к этому звонку привычно. «Да, ладно, – говорю, – я только две недели назад был в Москве, и там согласились с моими доводами, продолжить работать в Новосибирске». «Тебе все равно не отвертеться, – сказал мне звонивший, – поэтому, если будешь продолжать отказываться, потом тяжело будет с Павловым работать».

Через десять минут после этого действительно раздался звонок из Москвы с просьбой на следующий день явиться в Спорткомитет. Я попытался напомнить о том, что теперь я не в их системе работаю, а в профтехобразовании, но мне было сказано, что там со всеми уже все согласовано.

Тем не менее, в Москву я все равно летел с твердой мыслью не поддаваться уговорам. Думал, раз уж свалилась эта непредвиденная командировка, воспользуюсь ею в своих целях: решу в Москве текущие хозяйственные вопросы и вернусь домой.

В Спорткомитете меня встретил заместитель председателя Валентин Лукич Сыч, которому, видимо, было поручено провести предварительную беседу. Потом пригласил Павлов. С Сергеем Павловичем у меня к тому времени установились очень хорошие отношения. Я бы даже сказал, что они стали теплыми после одной истории, случившейся на Олимпийских играх в Саппоро.

Там после соревнований тогдашний президент Международного олимпийского комитета 84-летний американец Эйвери Брэндедж

К 1981 году малокалиберная винтовка была на вооружении биатлонистов лишь четвертый год и нововведения шли одно за одним

устроил официальный прием, на который были приглашены по одному золотому медалисту от каждой страны. Собралось где-то человек 25, среди которых оказался и я. Сели за накрытые столы. После приветственной речи Брэндедж призвал всех приступить к трапезе, а сам стал подходить к столам и общаться с каждым из приглашенных. Дошла очередь и до меня. Через переводчика, в качестве которого выступал заместитель начальника Управления международных отношений Спорткомитета СССР, Брэндедж начал спрашивать, в каком городе СССР я живу, где тренируюсь? Я ответил, что в Новосибирске есть стрельбище, построенное по моему проекту. «Вы имеете отношение к строительству?» – спросил он. «Да, я инженер-строитель, сейчас пишу диссертацию». А поскольку Брэндедж тоже оказался дипломированным инженером-строителем, разговор сразу перешел в профессиональное русло. Он поинтересовался темой моей диссертации. Подключившийся к нашему диалогу будущий президент МОК лорд Килланен рассказал о том, что сейчас они озабочены проблемой исчезновения островов, медленно оседающих под воду в результате вымывания песчаных частиц. «Это, – говорю, – огромная проблема, а у меня тема узкая, связанная с устойчивостью рельсошпальной решетки на асбестовом балласте»

В общем, кончился наш разговор тем, что я назвал Брэндеджа коллегой. Он руку в знак согласия пожал. Смотрю, у заместителя начальника Управления международных отношений лицо вытянулось. «Ты что! – сделал он круглые глаза, когда Брэндедж, поблагодарив за интересную информацию, перешел к другому столу. – Ты президента МОК, миллиардера коллегой назвал!» А потом, когда уже ушли оттуда, сам расхохотался: все приглашенные, говорит, суперменами оказались, а один – коллегой.

На следующее утро я вышел на зарядку, бегу по Олимпийской деревне и вижу: навстречу идет «кавалькада» – председатель Спорткомитета СССР Павлов со всей своей многочисленной свитой. Сергей Павлович увидел меня: «А, – говорит, – коллега (переводчик уже успел ему рассказать), иди сюда». Подхожу, а сам думаю: сейчас воспитывать будут. Но, смотрю, он в прекрасном настроении, смеется. Хлопнул меня по плечу: теперь, говорит, у Брэндеджа есть коллега в нашей команде.

Вечером того же дня в расположении нашей команды раздался телефонный звонок. Попросили подозвать Маматова. Подхожу – на проводе Павлов. «Виктор, – говорит, – телевизионщики приглашают (не помню уже, какую компанию назвал, то ли американскую, то ли английскую). Они, правда, лыжницу Галину Кулакову хотели видеть, но она приболела. Надо поехать, выступить от имени всей советской сборной. Знаешь, что надо сказать?». «Думаю, что найду нужные слова», – отвечаю.

Но выступить в итоге не получилось. Телевизионщики, узнав, что вместо Кулаковой придет Маматов, вообще отменили интервью, ре-

шив, наверное, что я скажу, что посчитаю нужным, а не то, что они хотят.

Так вот, возвращаясь в 1981 год, заходим мы с Сычом в кабинет Павлова. Там все его заместители уже собрались. Сергей Павлович поднялся, подошел, обнял меня: «Ну что, есть еще порох в пороховницах? – спрашивает, и, не дожидаясь ответа, продолжает. – Тогда будем вместе работать». Сказал и – протянул руку для рукопожатия, дескать, договорились.

«Постойте, – говорю, – Сергей Павлович. У меня в Новосибирске любимая работа, очень хорошие планы и перспективы, грандиозную стройку там затеял. Министр профтехобразования Александр Александрович Булгаков вместе со своим замом Вадимом Аркадьевичем Саюшевым во всем меня поддерживают (фамилию будущего директора ВДНХ специально упомянул, поскольку Саюшев был в свое время первым заместителем Павлова в ЦК ВЛКСМ). К тому же, как вы видите мою работу в сборной: я буду в Москве, а семья в Новосибирске останется?»

Павлов тут же поворачивается к своим заместителям: «Ну, что, товарищи, решим вопрос жилья для Маматова и его семьи в Москве?». «Элементарно!» – моментально откликнулся кто-то из них. «Вот, видишь», – обращается ко мне снова Павлов. «А как быть с трудоустройством жены? С другими бытовыми вопросами?» – не сдавался я.

А моя жена тогда работала старшим инженером отдела эксплуатации жилого фонда Новосибирского отделения железной дороги. Вопрос с ней тоже решили, как, впрочем, и все другие. Что мне оставалось делать в такой ситуации? Я видел, что они уже не отступят. Пожали мы с Павловым друг другу руки, и он тут же сказал одному из заместителей: «Иди – звони Тяжельникову, скажи, что мы договорились». А Евгений Михайлович Тяжельников – это в тот момент заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС. Значит, действительно, вопрос о моем назначении решался на таком уровне. Отказался бы, все равно б направили в приказном порядке, как члена КПСС.

Правда, жена все равно крайне негативно отнеслась к переезду: очень не хотела из Новосибирска уезжать.

Итак, 29 апреля 1981 года я согласился на эту работу, а уже 5 мая выехал вместе с командой на сбор на Камчатку. Да, мы тогда в мае подготовку к сезону начинали. А сегодня – в июле и хотим что-то выигрывать! Если ты профессионал, ты должен полностью отдаваться своему делу. А то хотят и с семьей подольше побыть, и на всех встречах побывать и ни одного шоу, ни одной пиар-кампании не пропустить и при этом в спорте все получить. Так не бывает. Сколько мы уже знаем примеров, доказывающих это.

Вспоминаю в этой связи весьма поучительную историю, случившуюся с нашей знаменитой лыжницей Еленой Вяльбе. На чемпионате мира 1997 года в Тронхейме она, выиграв пять золотых медалей из пяти возможных, слишком увлеклась пиаром. Через два месяца после турнира решила поучаствовать в громкой кампании, и заодно весьма оригинальным образом отметить свой очередной день рождения – прыгнула с парашютом на Северном полюсе. Так потом мы в течение восьми месяцев не могли привести ее в должное боевое состояние, в том числе и в психологическом плане. И, как результат, на Олимпийских играх-98 в Нагано Елена практически никакой была. Под конец, в эстафете сумела, правда, собраться, показать лучший результат на этапе, но в целом Олимпиада провальной для нее получилась, особенно на фоне триумфа годичной давности.

Я, кстати, написал методическую брошюру под названием «Обучение и совершенствование стрелковой подготовки биатлонистов», в которой подробно расписал, какие нагрузки, когда и сколько надо делать.

Но вернемся на Камчатку. Кстати, сбор там до сих пор является очень важным и нужным в процессе подготовки национальной команды. Для отработки горнолыжной техники, проведения беговой работы, сонастройки сердечно-сосудистой, вегетативной систем, лечения опорно-двигательного аппарата. Все эти задачи мы на том, первом для меня

На домашнем чемпионате мира в Раубичах (1982) мы завоевали две бронзовых медали – результат, после которого в сборной был взят решительный курс на омоложение

в качестве главного тренера сборе успешно выполнили: покатались на горных лыжах, совершили несколько длительных походов на выносливость, сделали большой объем беговой и стрелковой работы, в полной мере воспользовались местными целебными источниками, улучшающими восстановительные функции организма. Словом, в июне команда была уже во всеоружии, готовая к самым серьезным нагрузкам.

Однако на первом чемпионате мира, который к тому же был домашним – в 1982 году он прошел в Раубичах под Минском, сборная выступила неудачно – лишь две бронзы. У норвежцев, которые, как и мы, провалили предыдущий чемпионат мира в Лахти, тогда впервые появился очень сильный гонщик, будущий олимпийский чемпион в спринте Эйрик Квальфосс, настолько быстрый, что мог опередить всех на 10-километровой дистанции даже с двумя штрафными кругами.

Но причина нашей неудачи была, конечно, не только в силе соперников, но и в нас самих.

Вернувшись в Москву, я, разбираясь в причинах провала, встретился со своим научным руководителем, нашим первым профессором, как его все называли, лыжного спорта Мироном Андреевичем Аграновским. Он у меня спросил, сколько лет ребятам, которые выступали на чемпионате. А у нас достаточная возрастная команда была: Аликину шел 25-й год, Алябьеву, Барнашову и Семенову было 30 или под 30.

«Может быть, в этом проблема? – сказал Мирон Андреевич. – Давай посмотрим статистику». А у него, надо сказать, был богатейший статистический материал, начиная с 1937 года. За вечер мы проанализировали огромный временной отрезок, вплоть до 1980 года и пришли к заключению, что в основном составе лыжных сборных всех стран спортсмены, как правило, находятся 6-7 лет. Бывали, конечно, исключения в лице таких феноменов, как швед Сикстен Ернберг, финны Вейкко Хакулинен и Эро Мянтюранта, норвежец Харальд Грённинген или наши Александр Тихонов, Галина Кулакова, Раиса Сметанина, выступавших за свои сборные 10-11 лет, но подавляющее большинство расходовали свой потенциал после 6-7 лет. За счет опыта могли еще собраться и выиграть отборочные старты, но на главных соревнованиях выше четвертого места не поднимались

Словом, мы пришли к выводу, что сборная СССР нуждается в смене поколений. Еще больше укрепился в необходимости этого шага, когда в конце того же 1982 года съездил в Мурманск, на традиционный «Праздник Севера». Участвовавшие в этих соревнованиях сборники хоть и показали неплохие результаты, но не лучшие: финишировав вперемежку с другими.

В последний день собрал всю команду. Взял слово и сказал примерно следующее: «Мы вместе проработали год. У меня нет претензий к тому, как вы относились к тренировкам: добросовестно выполняли все, что мы, тренеры, вам предлагали, но ожидаемых результатов, к сожалению, нет. Мы с профессором Аграновским тщательно изучили

На пьедестале чемпионата мира-82 герои Игр в Лейк-Плесиде. Через два года в Сараеве выступит на 100% обновленная сборная

ситуацию и решили, что сборной требуется свежая кровь. Поэтому мы хотим привлечь молодежь и начать с ней подготовку к Олимпийским играм в Сараеве. Вас же из состава сборной я не вывожу, стипендию за вами сохраняю, но перевожу на самостоятельную подготовку. Если по результатам официальных отборочных соревнований будете попадать в состав, место там для вас обязательно найдется. Всех вас я хорошо знаю, но мне нужны результаты, нужно, чтобы вы на основных стартах занимали первое или второе место».

После моего выступления в воздухе на некоторое время повисла тягостная пауза, которую прервал Алябьев: «Но вы же знаете, что без первого снега мы самостоятельно не подготовимся», – сказал он. И был прав, потому что, действительно, организовать первый снег часто было большой проблемой. Где-то были условия для тренировок, но не было снега в нужное время, а где-то, напротив, он выпадал, но не было должных условий для подготовки. Когда снега было мало, мы в первый день сборов брали лопаты и всей командой, включая тренеров, спортсменов и обслуживающий персонал, выходили строить трассу. В последующие дни работали только тренеры и персонал, а спортсмены

СБОРНАЯ СССР
ПО БИАТЛОНУ '83
SARAJEVO 84
BIATHLON
Привалов А.В
ЗМС. Гос. тренер спорткомитета СССР
Маматов В.Ф.
ЗМС. З.Тр. РСФСР. Ст. тренер сборной СССР
Иерусалимский В.В.
З. Тр. СССР. Тренер сборной СССР
Пшеницин В.Н.
ЗМС. З.Тр. СССР. тренер сборной СССР
Булыгин С. МСМК.
3-кр. чемпион СССР чемпион мира
Кашкаров Ю.
2-кр. чемпион мира МСМК, среди юниоров Чемпион Мира - 1983 г.
Милорадов П.
МСМК. Чемпион мира 1983 года
Шална А.
МСМК. Чемпион Мира 1983 г.
Идинов С.
МСМК. Чемпион предолимпийской недели
Зенков А.
МСМК. Победитель предолимпийской недели
Васильев Д.
МСМК. Победитель лахтинских и холменкольленских игр
Силупс Иварс МС.
Призер Чемпионата Мира ср. Юниоров
Тудеберг Э.
МС. Призер чемпионата Мира среди юниоров
Аликин В.
ЗМС. Чемпион Олимпийских игр
Барнашов В.
ЗМС. Чемпион Олимпийских игр
Белорусов В.
МСМК. Неоднократный чемпион мира среди юниоров
СКА МВО - Новосибирск - Локомотив
Попов Ю.А.
КПН. Рук. КНГ.
Литвинова П.И.
Биохимик
Сидоров В.М.
МС. Тренер-оружейник
Березин В.А.
МС. Тр. массажист
Минасян М.Х.
Врач сборн. СССР

тренировались. Понятно, что на самостоятельной подготовке такой объем работы в случае капризов погоды не сделать. Но эту проблему, с согласия руководства, я решил: на первый снег все, кто готовились самостоятельно, выезжали вместе с командой.

В сборную были призваны молодые Юрий Кашкаров, Дмитрий и Виктор Васильевы, Сергей Булыгин, Ивар Силудс, Эвен Тудеберг, Сергей Идинов и другие. Вместе с этими, в основном 19-20-летними, ребятами пригласил в команду Владимира Вениаминовича Иерусалимского, который был тренером юниорской сборной. И началась работа с перспективой на Олимпиаду 1984 года.

В феврале 1983-го приехали на чемпионат мира в итальянскую Антерсельву. Там в индивидуальных дисциплинах остались без медали, хотя, например, в гонке на 20 км Петр Милорадов финишировал в шаге от пьедестала. Зато в эстафете преподнесли сюрприз, заняв первое место, несмотря на то, что команда на пятьдесят процентов состояла из новичков-юниоров. Сергей Булыгин и Юрий Кашкаров, которые бежали соответственно на первом и третьем этапах, за два дня до этой гонки участвовали в юниорских соревнованиях, прошедших в рамках чемпионата. Юрий там победил, Сергей стал призером, что, собственно, я тоже учел, определяя состав взрослой команды.

На первом этапе Булыгин лишь чуть-чуть уступил двукратному чемпиону мира Матиасу Юнгу из сборной ГДР. Под стать ему пробежал и Альгимантас Шална, сумевший сохранить интригу. Принявший от него эстафету Кашкаров на первом же подъеме догнал самого титулованного участника немецкой команды – олимпийского чемпиона, 9-кратного чемпиона мира Франка Ульриха, имевшего прозвище Железный Ульрих. Тот очень удивился, когда услышал за спиной «Оп-оп!», что на языке лыжников означает «Пропусти!» Но куда деваться? Пропустил.

Пришли на первый огневой рубеж. Точно отстрелявшись, Ульрих снова первым ушел на дистанцию. Но очень быстро опять услышал за спиной эти «Оп-оп»».

На «стойке» роли поменялись. Теперь уже Юрий выпустил все пули, как из автомата и убежал, а его именитый соперник надолго задержался на рубеже. В итоге этого задела нам с лихвой хватило для общей победы. Когда Кашкаров отправил на дистанцию четвертого нашего участника Петра Милорадова, преимущество было таким, что немцы уже ничего не смогли сделать, хоть и сократили немного отрыв.

Этот успех стал для нас важнейшим отправным пунктом, придал уверенности, укрепил во мнении, что мы в своей работе идем правильным путем.

В олимпийский сезон вступили так же обнадеживающе: съездили на соревнования в ГДР, выиграли там все гонки, поехали в Швецию – уступили только на одной дистанции. Все, короче, шло как нельзя лучше, а прилетели в Сараево, многое сразу пошло наперекосяк. Во-первых, после тренировки под сильным дождем вперемешку со снегом

Юрий Кашкаров – один из первых представителей нашей «новой волны», добившийся больших побед

простудились трое из четырех членов команды. Может быть, этого не случилось бы, если бы работники ВНИИФКа привезли в Сараево напиток из дальневосточных ягод и трав, который по моей инициативе и с одобрения специалистов института был специально закуплен на Сахалине. Пятьдесят литров этого, укрепляющего иммунную систему, напитка я лично привез во ВНИИФК. В течение лета мы израсходовали десять, договорившись, что оставшиеся сорок литров привезут в Сараево. Не привезли и, более того, больше я их вообще не видел: видимо, работники ВНИИФКа позаботились и о своем иммунитете.

С простудой, естественно, боролись, как могли, но все равно полностью избавиться от ее последствий не удалось.

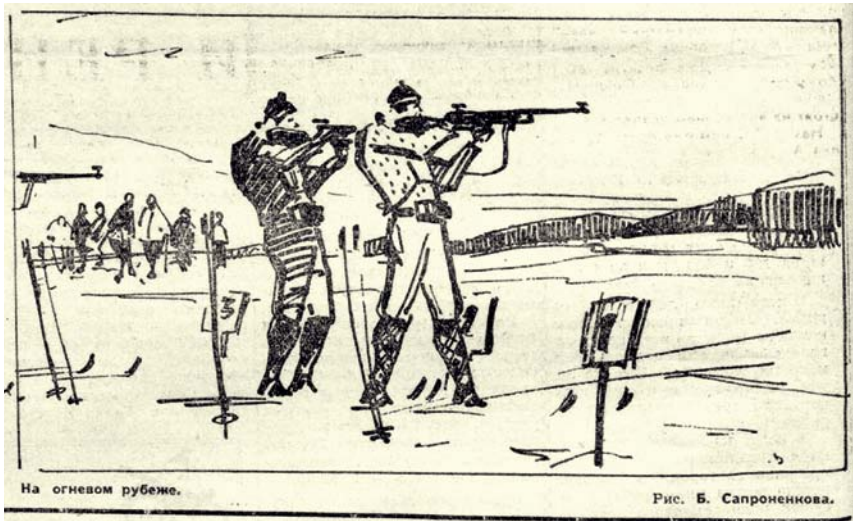
Дальше – больше. Когда за день до первой гонки мы пришли на контроль оружия, нас, как обухом по голове, оглушили информацией о том, что расстояние от оси канала ствола винтовки до низа спусковой скобы должно быть 90 миллиметров. Как 90? Кто и когда ввел эти единые стандарты? Такая моя реакция была вызвана тем, что незадолго до Олимпиады мы привели эти скобы в соответствие с параметрами каждого члена команды, для Кашкарова, например, нарастили целых 32 миллиметра.

Ввести единые стандарты, как потом я узнал, предложили немцы, и думаю, что сделали они это как раз потому, что увидели наращенные скобы на наших винтовках. Но не важно, кто предложил и почему, главное было то, что это принятое летом 1983 года нововведение, прошло мимо нас, о нем не знал ни я, ни даже представители Ижевского завода – производителя этих винтовок. И это притом, что на заседании технического комитета международной федерации, где принималось это решение, присутствовал представитель СССР Евгений Новиков. Но он, то ли не понял, то ли забыл о принятом нововведении, закинув дома привезенные документы в ящик своего рабочего стола.

Но что делать? Надо убирать все, что нарастили, возвращать скобам изначальный вид. Но случилось так, что накануне в Москве умер Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов и в этой связи всех спортсменов и тренеров вызвали в Сараево (а мы жили в горах – в Игмане) на траурную церемонию. Я попросил руководство оставить спортсменов, ссылаясь на то, что им на следующий день стартовать, но мне было отказано.

Сам я, тем не менее, остался, чтобы контролировать процесс переделки скоб. А он, мягко говоря, затянулся. Жившие в Сараеве тренеры (они же и оружейники), которым это было поручено, решили после церемонии помянуть по-русски покойного, и в результате к семи часам вечера, как мы договаривались, винтовок я не получил. А соревнования начинались в девять утра следующего дня.

Звоню начальнику Управления зимних видов спорта Галаеву: «Виктор Ильич, где винтовки?» «Делают», – слышу спокойный голос в трубке. «Ну, вы же понимаете, что они нам нужны немедленно, чтобы



На огневом рубеже. Рис. Б. Сапроненкова.

успеть хоть немного поработать с ними. Пострелять вхолостую, притереться, как говорится, поскольку это уже будут не те винтовки, к которым ребята привыкли, – новые мышцы включатся в работу при стрельбе?» «Не волнуйся, сделают», – повторил Галаев.

Проходит еще какое-то время, снова звоню, и опять слышу те же успокаивающие слова. А потом его и вовсе перестали к телефону подзывать: отошел, дескать, куда-то. Мобильных аппаратов мы тогда еще не имели.

К одиннадцати часам все-таки дозвонился опять. «Они не успели, – сказал Галаев, – не нашли материала. К семи утра подвезут».

Самое интересное, что там и надо-то было всего лишь отпилить то, что нарастили, просверлить две дырочки, вставить туда толстый алюминиевый провод и расклепать его. И все!

Прихожу к спортсменам, проверить, как идет отбой ко сну, у них, естественно, тот же вопрос: «Винтовки привезли?» «Нет, в семь утра обещают».

Они легли спать, я снова позвонил, получил подтверждение, что «к семи утра будут железно».

В семь я уже, понятно, был на ногах. Пошел будить ребят, дверь открываю, а они все, как ваньки-встаньки, на кроватях: «Винтовки привезли?» «Нет, давайте пока на зарядку».

Они побежали, возвращаются – винтовок нет. Время завтрака – винтовок нет. И только в 8.15 их привезли. Что мы успели за оставшиеся до старта 45 минут? Подержать в руках эти винтовки, чуть пристреляться, сделав несколько холостых выстрелов. А тут еще ветер не на шутку разгулялся...

В общем, наши результаты в индивидуальной 20-километровой гонке оказались более чем плачевные. Лучший, Сергей Булыгин, финишировал семнадцатым. Ну, а в стрельбе по части промахов вовсе общими усилиями антирекорд установили – 26 штрафных минут на троих!

После соревнований начались, естественно, разборки. Приехал председатель Госкомспорта Марат Владимирович Грамов, его заместитель Валерий Сергеевич Сысоев. Спросили, что случилось? Я рассказал. «Вам что, не сообщили о принятых единых стандартах? Почему?» – спросил у меня Грамов. Я ответил так, как думал, назвав фамилию Новикова, прозевавшего по каким-то причинам это решение техкома.

«Вы знаете его?» – поинтересовался Грамов у Сысоева. «Конечно», – ответил тот. Он Новикова не просто знал, они с Евгением Петровичем были хорошими друзьями. «Накажите его, немедленно отправьте до-

Юрий Кашкаров, Дмитрий Васильев, Альгис Шална и Сергей Булыгин – олимпийские чемпионы-1984

мой», – скомандовал Грамов и обратился ко мне: «Вы можете руководить командой?» «Конечно, – отвечаю. – Сейчас мы перестроимся, поработаем над стрельбой. Впереди спринт».

В спринте бежали Булыгин, Кашкаров и Шална, который заменил Васильева, занявшего на «двадцатке» 32 место. В спринте наши показатели оказались чуть лучше: Шална финишировал пятым, Кашкаров – десятым, Булыгин – одиннадцатым, но все равно это было совсем не то, что мы планировали. Я прекрасно понимал, что если провалим и эстафету, которую мы, начиная с ее дебюта на Олимпийских играх в 1968 году, ни разу не проигрывали, мне это не простят. Два дня, оставшиеся со старта, практически не вылезали из подвала дома, в котором жили, благо там были условия для отработки стрельбы лежа и стоя.

Решили поставить на первый этап Васильева вместо бегавшего здесь ранее Булыгина. Дмитрий отработал его блестяще, передав эстафету Кашкарову почти с минутным преимуществом над ближайшим преследователем финном Кейо Тиитола.

На втором этапе феноменальную скорость развил норвежец Эйрик Квальфосс, сумевший с полученной девятой позиции (его партнер по команде Одд Лирус проиграл Васильеву больше двух минут) выйти в лидеры с лучшим временем дня (23.27,60). Под стать ему был и Франк-Петер Рёш из ГДР, принявший эстафету четвертым и уступивший норвежцу 25 секунд. На их фоне Кашкаров хоть и пробежал свои 7,5 километров быстрее Васильева, сумел лишь замкнуть тройку.

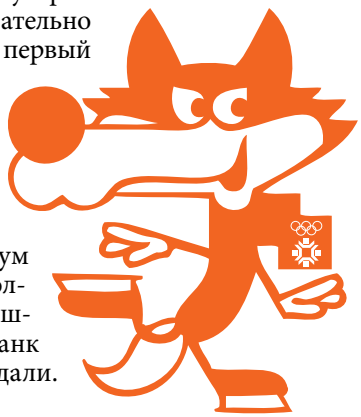
Следующий отрезок стал бенефисом Петера Ангерера из ФРГ, который со вторым временем дня первым отправил своего товарища по команде на последний этап. Далее шли сборные ГДР, Норвегии и США.

Шална с двумя штрафными кругами, заработанными на «стойке», пришел пятым. Но Булыгин быстро ликвидировал это отставание. Американец отвалился и четыре команды пошли по дистанции плотной группой. Без штрафных кругов отстреляли «лежку» и вместе отправились дальше. Для лидеров в тот момент четвертый этап, по сути, превратился в первый, где перед стрельбой все находятся практически в одинаковом положении. И в этой ситуации у Булыгина, ранее постоянно бегавшего на первых этапах, было определенное преимущество над соперниками.

Я наблюдал за гонкой со специального помоста, сооруженного для тренеров и официальных представителей, и, молча, говорил сам себе: «Если Сергей сумеет первым встать на огневой рубеж и первым точно выстрелить, мы выиграем эстафету».

Только я об этом подумал, как Сысоев, стоявший среди других наших руководителей ступенькой ниже, повернулся и попросил меня оценить расклад сил, сложившийся на дистанции. Я начал вслух произносить то, о чем только что подумал, говорить о том, что умение Булыгина работать на первом этапе, может оказаться решающим. И в этот самый момент Сергей, словно по заказу, опережает чуть соперников, первым начинает стрелять и попадает!

Я хорошо знал цену этому выстрелу, уверен был, что остальные в таком случае обязательно дрогнут, потому что никогда не бегали первый этап и не знают досконально всех его нюансов. Так оно и случилось: Сергей попал, а его соперники, нутром, что называется, прочувствовав этот выстрел, дружно пустили первую пулю в «молоко».



Четко отстреляв и дальше, Сергей первым рванул с рубежа, а норвежцу и двум немцам пришлось использовать по дополнительному патрону. В итоге, третьим лишним среди них оказался опытнейший Франк Ульрих, оставивший сборную ГДР без медали. А золото досталось нам!

Сергей Булыгин

Я побежал в зону финиша. Смотрю, навстречу идут Грамов и Хуан Антонио Самаранч, для которого эта Олимпиада стала первой в статусе президента Международного олимпийского комитета. Услышал, как наш переводчик Александр Ратнер перевел Марату Владимировичу слова Самаранча: «Спасибо вам, господин Грамов, за такой спектакль! Оказавшись впервые в жизни на соревнованиях по биатлону, я получил огромное удовольствие, как будто в театре побывал. Это интереснейший вид спорта и я его полюбил. Поздравляю вас с победой и желаю дальнейшего процветания!»

«Вот, видишь, какую высокую оценку вашему труду дал президент МОК, – сказал, пожимая мне руку, Грамов, когда Самаранч ушел. – Давайте работать так и дальше!»

Мы вместе с ним прошли к финишу, где пришлось приводить в чувство лежащего плашмя на снегу Булыгина. Сергей выложился до конца, закончив гонку с 12-секундным отрывом от норвежца Кьелла Себока. Мне потом кто-то сказал, что у него на последних метрах здорово прихватила печень, но сам Сергей эту информацию не подтвердил, сказав лишь, что под конец лыжи стали катить очень плохо.

Кстати, за историю со спусковыми скобами никого в итоге не наказали – только обещали. А вот меня попытались сделать крайним. В первый же рабочий день после возвращения из Сараева я почувствовал, что кто-то хочет всю вину за этот прокол свалить на меня. Вычислить этих «кого-то» было нетрудно, поскольку все они, включая начальника Управления и его заместителей, дружно перестали со мной здороваться. Безуспешными были и мои попытки попасть на прием к заместителю председателя Госкомспорта Сысоеву: секретарша всякий раз отказывала под разными предлогами.

Как-то захожу в комнату, где сидели лыжники с биатлонистами, и кто-то вновь поднял эту тему про 90 миллиметров, бросая, образно говоря, камень в мой огород. «Перевод таких документов надо делать сразу и своевременно информировать о них тех, кому они, в первую очередь, нужны, в данном случае это – главный тренер сборной и представители Ижевского завода. Тогда не будет подобных недоразумений», – огрызнулся я в ответ.

«Перевод был», – возразил кто-то. «В тех материалах, которые были мне предоставлены, не было ничего о принятых ограничениях», – настаивал я.

Мне протянули увесистую пачку листов: «Вот новый дословный и точный перевод». Беру эти бумаги и в первом же параграфе читаю: «Винтовка в биатлоне должна быть автоматическая или полуавтоматическая». Тот, кто переводил, пропустил частицу «не», а это принципиальная ошибка, поскольку в биатлоне винтовки как раз не должны быть автоматическими или полуавтоматическими.

Громко зачитываю это предложение и со словами: «А вы говорите, дословный и точный!» запускаю эти листы туда, откуда мне их передали. Они разлетаются по всей комнате.

Вечером, придя домой, с порога огорошил жену: «Собирайся, едем обратно, домой – в Новосибирск!»

Впрочем, «огорошил» – это в данном случае не точное слово. Точное будет «осчастливил», поскольку супруга, которая переехала ко мне в Москву в 1982 году вместе с младшим сыном (старший тогда служил в армии), никак не могла привыкнуть к столице, тосковала по Новосибирску, несмотря даже на то, что нам выделили хорошую по тем временам трехкомнатную квартиру в Северном Чертанове.

«Слава Богу!» – сказала она, когда я объяснил ей причину своего решения, и стала, я думаю, мысленно готовиться к отъезду. Но потом, как всегда, позвонила ее хорошая подруга, с которой они много лет проработали в одной из железнодорожных контор Новосибирска, и которая тоже вместе со своей семьей переехала в Москву. Зинаида, естественно, поделилась с ней своей радостью по поводу предстоящего возвращения в Сибирь, рассказала эту историю, случившуюся со мной. Та выслушала, возмутилась несправедливостью, допущенной по отношению ко мне, попросила меня подозвать к телефону, а сама передала

Дмитрий Васильев

трубку своему мужу. А ее муж, Платон Осокин (не помню отчества), был не кем-нибудь, а референтом Генерального секретаря ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко. Мы с ним были хорошо знакомы еще с тех времен, когда он работал секретарем Новосибирского горкома ВЛКСМ. Выслушав эту историю из первых уст, он спросил: «А ты у Грамова был?». «Нет, – говорю, – попытался попасть к Сысоеву, но меня к нему не допускают».

«Не валяй дурака! – сказал Платон, – не вздумай никуда уезжать. Завтра иди на работу, тебя вызовут».

Скажу откровенно, на работу я, тем не менее, пришел с написанным заявлением на увольнение по собственному желанию, но почти сразу же заметил перемены, которые чудесным образом произошли в коридорах Госкомспорта. Все, кто раньше не замечал меня в упор, вдруг, стали любезно здороваться, в том числе и начальник Управления. Потом по внутренней связи меня вызвали к Грамову. Тот набросился на меня, не успел я перешагнуть порог его кабинета: «Ты что себе позволяешь! Почему звонишь Осокину?»

Я, естественно, все объяснил, сказал, что сам не звонил, что все получилось, как получилось. А уехать решил, потому что в сложившейся

ситуации, в условиях, по сути, объявленного мне бойкота, работать не могу.

Марат Владимирович немного оттаял: «Мы же, – говорит, – с тобой эту тему еще в Сараеве обсудили и закрыли. Выбрось из головы эту мысль об отъезде – иди и работай!»

Так в этой истории была поставлена точка.

1985 год. Именно тогда на соревнованиях по лыжному спорту и биатлону стал официально применяться коньковый ход. Отношения с этим стилем у команды складывались очень непросто, хотя я, как старший тренер, начал приобщать к нему ребят еще за два года до того, как он был официально разрешен. Коньковым ходом многие бежали уже на Олимпийских играх в Сараеве, хотя помню накануне наш технический делегат на соревнованиях по лыжным гонкам и биатлону Венедикт Иванович Каменский говорил, что ни за что не допустит того, чтобы кто-то из олимпийцев использовал коньковый ход. Обосновывал свою позицию тем, что этот стиль надо сначала апробировать на чемпионатах мира, а уж потом разрешать на олимпийских гонках. Но бежали и полуконьковым, и коньковым стилем, а среди тех, кто себе это позволил, был и знаменитый шведский лыжник Гунде Сван, уверенно победивший на дистанции 15 км. И ни у кого из них в этой связи проблем не было. Никаких разговоров о дисквалификации или других наказаниях никто не вел.

Еще в 1983 году на базе Вершины Теи, что под Абаканом, где шла подготовка к Играм в Сараеве, я предложил ребятам поэкспериментировать – сравнить коньковый и традиционный стили. Попробовали – Кашкаров сразу заявил, что традиционный лучше, быстрее и потому не следует заниматься этим «одновременным проталкиванием, двухшажным и одношажным». Для меня такая его позиция была вполне объяснима: конечно, с его большой массой тела и слабыми на тот момент мышцами рук и спины ему было тяжело технически правильно осваивать новый стиль.

Еще раньше на летнем сборе в Раубичах Васильев тоже встретил новый стиль в штыки. Причем это неприятие, нежелание тренировать его было до такой степени сильно, что оба собирались даже уйти из сборной.

Я не удерживал: «Не хотите выполнять программу сбора, вон там аэропорт, завтра в 15.15 самолет, и чтобы я вас больше здесь не видел!»

Никуда, конечно, они не делись: продолжили работать со всеми и, в конце концов, добились, как показали дальнейшие события, хороших результатов.

На том же сборе в Вершине Теи я решил наглядно сравнить классический и коньковый стили. Попросили рабочих укатать с помощью трактора снег на стадионе, после чего по овалу беговой дорожки сделали лыжню для классического и параллельно – конькового хода. Накатали ее, как следует, и я предложил всем с десятиминутным перерывом пробежать

круг сначала одним стилем, потом – другим. Так вот, Кашкаров, который больше всех «возникал» по поводу свободного стиля, пробежал им на восемь секунд быстрее, чем классическим, с которого, к слову, начал.

Но все равно, даже когда стало очевидно, что коньковый ход быстрее, приживался он в биатлоне, повторюсь, тяжело, многие не верили в то, что этот стиль когда-нибудь разрешат в нашем виде спорта, потому что при таком ходе винтовка, дескать, «посадит» на спину и никуда от этого не деться.

Но я продолжал включать новый стиль в тренировочный процесс для укрепления мышц рук и спины. В частности, летом в Раубичах заставлял ребят взбираться на лыжероллерах на 1300-метровый подъем, не двигая ногами – на одних руках: два попеременных отталкивания руками. Они в буквальном смысле проталкивали себя в гору. Представляете, какая нагрузка на руки и спину!

Первое боевое крещение «коньком» у нас произошло в 1985 году в эстафетной гонке на этапе Кубка мира, который тогда назывался Кубком наций, в Оберхофе. В индивидуальных соревнованиях никто не решился пройти этим стилем, а накануне эстафеты я настоял. Но Васильева с Кашкаровым все равно не уговорил. Тогда решили так: Дмитрий и Юрий побегут первый и третий этапы традиционным стилем, а Альгимантас Шална и Сергей Булыгин коньковым – второй и четвертый.

Уже на первом после старта круге соперники, использовавшие коньковый ход, убежали от Васильева на 20 секунд. Дважды за счет быстрой и точной стрельбы он отыгрывал это отставание, но все равно передал эстафету Шалне на 50 секунд позже лидера.

После третьего этапа это отставание увеличилось до одной минуты и 32 секунд, но Булыгин на финише сумел отыграть больше минуты. Мы уступили в итоге сборной ГДР 30 секунд, но Сергей, да и результат всей эстафеты еще раз доказали: хочешь ты или нет, но переучиваться на коньковый ход все равно придется: жизнь заставляет.

Само выступление в Оберхофе, откуда мы вернулись без наград, было воспринято руководством крайне негативно. Меня даже вызвали на партком, где заставили объясниться. Что я мог сказать, кроме того, что переход на новый стиль – процесс непростой, требующий времени и терпения?

Впереди был следующий этап Кубка – в Антерсельве, и за ним – чемпионат мира в Рупольдинге. Мне на том парткоме было категорически запрещено выставлять в Антерсельве лидеров сборной на 20-километровую гонку, которая должна была пройти коньковым ходом: раз, мол, не готовы на 100 процентов, нечего, перед чемпионатом мира формировать общественное мнение слабыми результатами.

До Антерсельвы добирались очень сложно и утомительно. Сначала до Цюриха на самолете, а оттуда 11 часов на автобусе. Едем, а меня мысль одна мучит: с одной стороны нарушение запрета чревато большими собственными проблемами, с другой, конечно, неправильно

накануне чемпионата мира не дать лидерам пробежать в этой гонке. Решил не давить на ребят. Объявляя состав на эту гонку, назвал имена тех, кто обязательно должен бежать, а лидерам говорю: «А вы как хотите, определяйтесь сами».

Едем, дорога тяжелая. Вижу: явно не успеем приехать, чтобы вовремя подать заявку. Остановились на автозаправке, я пошел на станцию, попросил соединить меня по телефону с оргкомитетом соревнований. Начал диктовать фамилии тех, кто побежит от нас в первой гонке. Смотрю, бегут Кашкаров, Васильев, Булыгин, и все в один голос: «Нас тоже заявите». Ну, раз сами хотят, ради Бога – назвал и их фамилии. Они потом так и бежали – в одной группе, друг за другом.

Приехали поздно ночью, а в девять утра дали старт. Начали хорошо, неплохо отстреляли, но когда во второй раз пришли на огневой рубеж, сработал закон подлости. Неожиданно налетел порыв ветра такой силы, что мою подзорную трубу вместе с треножником унесло едва ли не к огневому рубежу (потом солдат-волонтер помогал мне вернуть его на место). Почти четыре (!) минуты Васильев, Кашкаров, Булыгин и другие наши спортсмены простояли на изготовке, прежде чем ветер утих, и можно было начать стрельбу.

А когда через какое-то время к огневому рубежу подошел, стартовавший позже Франк-Петер Реш из команды ГДР, ветру как будто кто-то приказал исчезнуть. Представляете! Лидер немецкой команды быстро расстрелял все свои мишени и в итоге показал на финише лучший результат. Андрей Зенков, запасной сборной СССР, ушедший на дистанцию одним из последних, занял третье место, оказавшись единственным из наших на пьедестале.

Приехали в гостиницу – звонок из Москвы. К телефону подошел приехавший вместе с нами Александр Васильевич Привалов. Позвонивший (один из руководителей Госкомспорта – не хочу называть его фамилию) начал, не стесняясь в выражениях, говорить все, что он думает о нашем выступлении. «Мы же, – кричит, – запретили заявлять лидеров в этой гонке!» Я взял трубку: «За результаты сборной, – говорю, – отвечаю я, а не Привалов, поэтому не его надо воспитывать, а меня. Но и меня воспитывать не к чему: в гонке произошел несчастный случай, от которого никто не застрахован. А вообще, окончательные итоги и выводы будем делать после чемпионата мира, а сейчас не мешайте нам работать!» Сказал это и положил трубку. Представляю, каким в тот момент было лицо этого начальника.

Потом был спринт, который тоже выиграл Реш. Он тогда, действительно, бегал быстрее всех в мире. Но вторым был Кашкаров, опередивший не кого-нибудь, а самого Квальфосса. И далее в ряд выстроились почти все наши спортсмены. Последний вид программы – эстафету мы выиграли в одну калитку. «Ну вот, – сказал я самому себе, – все идет нормально, только панику зря поднимали. И то, что 20 километров лидеры пробежали, тоже хорошо – только на пользу».

Сезон 1984/1985 стал для биатлонистов переходным – с классического хода на коньковый. Нововведение приветствовали не все…

В Антерсельве мы остались на заключительный сбор, а потом переехали в Рупольдинг на чемпионат мира, где впервые после 12-летнего перерыва выиграли 20-километровую гонку. На высшую ступеньку пьедестала почета поднялся Юрий Кашкаров.

Гололед в тот день был страшнейший, но мы оказались к нему готовы. Помог совместный сбор с командой ГДР в Антерсельве, а вернее, состоявшиеся там незадолго до отъезда в Рупольдинг контрольные соревнования. В тот день тоже сильный гололед был. Но, я смотрю, немцам он как бы и нипочем. Наши на виражах безбожно плужат, а они проскакивают, хоть бы что. В итоге на финише нам по три минуты привезли. Но мое внимание еще во время гонки привлекла одна деталь: как будто что-то мелькнуло на лыже одного из немецких спортсменов. Посмотрел после окончания соревнований, а там металлический кант под тефлоном, обеспечивающий устойчивость на обледенелой лыжне. Ничего подобного раньше не видел.

Я, естественно, сразу к Герхарду Таллеру, представителю фирмы «Фишер», с которой у нашей сборной, как и у команды ГДР, был контракт. «Как же так, – спрашиваю, – почему у немецкой команды есть

такие лыжи, а у нас нет?» Он начал оправдываться, говорить о том, что этих лыж еще нет в производстве, что это экспериментальный вариант и по этой причине всех обеспечить ими пока невозможно. Но я его перебил: «Если у нас, – говорю, – до чемпионата мира таких же лыж не будет, считайте, что наш контракт разорван».

После этого повернулся и ушел. И что вы думаете? В день отъезда в Рупольдинг мы получили четыре пары этих лыж. На них и бежали на чемпионате «двадцатку» в условиях, как я уже сказал, сильнейшего гололеда.

Кашкаров победил с нулем промахов, опередив серебряного медалиста Реша почти на полторы минуты. Остальных подвела стрельба: Шална стал девятым, Булыгин – двенадцатым, Зенков – тринадцатым. Но непосредственно в беге все оказались в семерке самых быстрых участников гонки, чему тоже есть объяснение. Там был очень опасный участок – крутой спуск около четырехсот метров длиной с поворотом. На последней тренировке перед «двадцаткой» я увидел, что у ребят тут могут быть проблемы. Собрал их и говорю: «Наденьте сверху еще по одному костюму и вперед: каждый должен сделать четыре спуска на полной скорости. Тот, кто будет тормозить, завтра не будет допущен к соревнованиям».

….Однако уже к концу сезона наши биатлонисты показывали лучшие коньковые ходы в мире, а Юрий Кашкаров (впереди) стал чемпионом мира в индивидуальной гонке, первым «выбежав» из часа на 20 км

Если сейчас этого не сделать, думаю, во время гонки будут бояться и много времени на этом потеряют. Но слышу, роптать начали: «Да мы не сможем так, очень рискованно – можно разбиться». И вдруг кто-то говорит: «А вы сами попробуйте». «Да запросто!» – отвечаю, ни на секунду не задумавшись. Забрался на вершину, как глянул вниз, даже немного не по себе стало: все-таки давно не катался. Но деваться некуда: на меня выжидающе смотрели четыре пары глаз моих подопечных. Была не была, думаю, толкнулся и поехал. В конце чувствую: заносит так, что вот-вот упаду, но каким-то невероятным образом устоял. Они: ха-ха-ха. Но я не дал им эту тему развить: «Я уже сколько времени не катаюсь! Да и здесь первый раз спустился, а вы, сколько раз уже это проделали! Давайте, – говорю – еще по четыре раза каждый, но только, как условились, не тормозить!». Они, поборов все страхи, съехали, потом даже самим понравилось. И во время гонки не имели, в отличие от многих соперников, никаких проблем на этом участке.

Потом был спринт, где лучший из наших, Юрий Кашкаров, стал лишь 12-м. А вечером накануне «десятки» повалил снег. К утру сантиметров, наверное, 12-15 намело. Но настроение, невзирая ни на что, боевое, концентрация предельная. Я, как всегда, «на трубе», мой помощник Иерусалимский – «на смазке». Дали старт, и сразу же, образно говоря, для нас случился и финиш, потому что на первом же круге проиграли будущему победителю Решу тридцать секунд. А дальше – еще хуже: Кашкаров в итоге закончил соревнования через минуту и 50 секунд после Франка-Петера.

В общем, спринт мы провалили. Прихожу после финиша в наш бокс. Заходит занявший 22-е место Зенков, ставит лыжи в угол, ругаясь на чем свет стоит: совсем, говорит, они не ехали. Я смотрю, а лыжи те самые с металлическим кантом под тефлоном. «Ты что, – спрашиваю, – на них бежал?» Он кивает головой. «А ты?» – обращаюсь к Кашкарову. «Я тоже», – отвечает. Всех опросил – все, оказывается, использовали эти новые лыжи.

А этого ни в коем случае нельзя было делать, поскольку они, будучи жесткими, тормозили ход, врезаясь в снег, особенно на пологих спусках.

После такой ошарашивающей новости я едва ли ни с кулаками набросился на Иерусалимского: как ты мог это допустить? Он начал оправдываться: «Я им говорил, что надо на мягких, деревянных, а они – ни в какую: эти хорошо катят – мы в них уверены». «А ты, что не мог мне об этом по рации сообщить?». Он только руками развел: что случилось, мол, то случилось.

Я решил выяснить, на каких лыжах выступали гонщики ГДР и те мне снова приготовили сюрприз: оказывается «вставили» они нам по полной программе на новых мягких лыжах, полученных незадолго до соревнований от «Фишера». Я снова к Герхарду Таллеру: «Чтобы до эстафеты такие лыжи были и у нас!» Он как уж на сковороде завертел-

ся: «Виктор, это невозможно! Выходные дни – изготовить четыре пары за ночь с субботы на воскресенье нереально».

При этом я знал, что недалеко от Рупольдинга, в австрийском городке (не помню его название), у «Фишера» есть фабрика. Опять воспользовался уже проверенным методом – предъявил ультиматум: «Не будет лыж, разорвем контракт! Разве советская сборная хуже команды ГДР? Мы их на «двадцатке» обыграли, они нас – в спринте. Так что, счет пока равный. Езжай и привези нам мягкие лыжи!»

Он, скрепя сердце, уехал. Утром просыпаемся – его нет. Говорю ребятам: «Берите старые лыжи и идите готовиться». И тут появляется Таллер. С двумя парами новых лыж. Начал оправдываться, что больше сделать не успел». Как поступить? Решили тогда так: бегущий на первом этапе Кашкаров отдаст потом свою пару заявленному на третий этап Зенкову, а соответственно завершающий эстафету Булыгин возьмет лыжи у Шалны после второго этапа.

Решающий задел к будущей победе создал Кашкаров, с большим преимуществом отправивший на дистанцию Шалну. Альгимантас после стрельбы лежа этот отрыв сохранил, но на втором огневом рубеже заработал два штрафных круга. Однако Зенков все опять вернул на круги своя, показав абсолютно лучший результат соревнований. Под стать ему прошел свой этап Булыгин, и в итоге мы привезли гэдээровцам на финише одну минуту 45 секунд! Вряд ли бы это случилось, если я бы не заставил Герхарда Таллера ударно поработать в выходные дни. После гонки подошел к нему, пожал руку: «Контракт наш, – говорю, – остается в силе».

После того, весьма успешного для нас, чемпионата мира мы вновь затеяли в команде смену поколений. Пригласили молодежь, в частности, Сергея Чепикова, Валерия Медведцева. Впереди были Олимпийские игры в Калгари. Но в июле 1985 года меня, что называется, вызвали и назначили начальником Управления зимних видов спорта. Так что, чемпионат мира в Рупольдинге стал последним в моей тренерской карьере. На посту начальника Управления я проработал чуть менее двух лет: в 1987 году стал заместителем председателя Госкомспорта СССР.

В управлении зимних видов и Госкомспорте

В качестве руководителя советской делегации я побывал на четырех Олимпиадах: в 1988-м в Калгари, в 1992-м – в Альбервиле, в 1998-м – в Нагано и в 2002-м – в Солт-Лейк-Сити. В 1994 году в Лиллехаммере делегацией руководил Валентин Лукич Сыч, а я был его первым заместителем.

Вспоминая те турниры, первое что приходит в голову, конечно же, Олимпиада в Солт-Лейк-Сити, которая по части скандалов превзошла многие другие вместе взятые. Еще до ее начала была отстранена от участия в Играх наша лыжница Наталья Баранова-Масалкина. На последнем предолимпийском сборе в Австрии у нее была взята проба на допинг, в которой обнаружили запрещенный препарат ЭПО. Но тогдашние старший тренер нашей женской сборной Александр Воронин и президент Федерации лыжных гонок России Анатолий Акентьев скрыли от меня результаты пробы «А», решили дождаться пробы «Б». В итоге скандал грянул уже в Солт-Лейк-Сити, за день до открытия Игр.

На пресс-конференции, организованной по этому случаю, отдувались мы с руководителем антидопинговой комиссии Олимпийского комитета России Николаем Дурмановым. Я тогда сказал: «Да, у нас есть проблема, мы ее признаем, боремся и будем бороться с тем, чтобы подобных случаев в команде не было. Но раз уж борьба с использованием запрещенных препаратов объявлена на всех фронтах, она должна вестись масштабно и всеохватывающе, без лазеек для допинга. А они есть и существуют вполне официально. Я имею в виду проблему с астмой, с которой никто не борется, но которая во время соревнований дает,

С 1986 по 2010 годы столы заседаний и переговоров были моим основным рабочим местом

якобы больным ею, огромное преимущество над остальными за счет применения запрещенных препаратов».

Нам тогда уже стало известно, что эти «астматики» делают «коктейль», некую субстанцию в аэрозольных баллончиках из семи-восьми ингредиентов и принимают за десять минут до старта, разворачивая сразу и во всю ширь дыхательную систему. Другими словами, пока другим, даже после хорошей разминки, надо пробежать не менее 500 метров, чтобы вработаться, поскольку сразу начинается закисление организма и все тело «стоит», «больные астмой» начинают работать на полной скорости с первых же метров.

Но позже выяснилось, что зря я все это рассказывал аккредитованным на Играх российским журналистам, поскольку никто из них, как следует, о допинговых нарушениях под прикрытием астмы не написал, в отличие от скандала с Барановой, который был расписан во всех красках.

Вскоре после этой пресс-конференции Международный олимпийский комитет провел рабочее совещание, на которое были приглашены все главы национальных делегаций. Обсуждались насущные вопросы, в том числе и медицинские. Вышел на трибуну Патрик Шамаш, директор МОК по медицине и науке, и начал говорить о том, что, к сожалению, в Олимпийских играх участвуют много больных астмой, в частности, в дисциплинах, связанных с выносливостью, их почти 70 процентов, что для решения данной проблемы, этих спортсменов надо лечить, и так далее.

24–27 июня
1986г.
НОВОСИБИРСК
Тур Хеннинг /Щвеция/ Генеральный секретарь УМПМБ
Игорь Новиков /СССР/ первый вице-президент
Роберт Галезо /Франция/ вице-президент по биатлону
Курт Хинце /ГДР/ председатель технического комитета
Альф Лахти /Швеция/ секретарь по биатлону
Андреас Цвайфель /Швейцария/ член техкома
Евгений Новиков /СССР/ член техкома
Вилли Спенсер /США/ член техкома
Батисто Мисметти /Италия/ член техкома
Хекки Хови /Финляндия/ член техкома/
Эберхардт Рёш /ГДР/ член материальной комиссии по биатлону
Рей Кокконен /Канада/ член техкома
Петер Бауэр /ФРГ/ член техкома
Зденек Кашпер /ЧССР/ член техкома
Маматов В.Ф. Начальник управления лыжных видов спорта спорткомитета СССР
Дурнев М.Г. Председатель областной федерации по биатлону член техкома СССР
Машкин Н.П. председатель облспорткомитета г. Новосибирск
PENTATHION MODERNE
BIATHLON
ЗАСЕДАНИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО КОМИТЕТА ПО БИАТЛОНУ СОЮЗА СОВРЕМЕННОГО ПЯТИБОРЬЯ И БИАТЛОНА (У И П М Б)

Дождавшись, когда он закончит, я попросил слово и спросил у докладчика: «Вы можете назвать фамилии спортсменов-астматиков, ставших олимпийскими чемпионами? А также сказать, из каких они команд, чтобы все знали этих героев, сумевших, будучи больными астмой, выиграть у здоровых?» Он замялся и вместо ответа задал мне вопрос: «А сколько в вашей команде больных астмой?» «К счастью, у нас больных нет», – говорю. «Как?! – опешил он и после некоторой паузы добавил: «Я вас поздравляю!» «И все-таки, – продолжил наседать я, – ответьте на мой вопрос. Я на этом настаиваю, поскольку считаю, что в этом случае надо не о врачебной этике говорить, как это делаете вы, а о принципах фэйр-плей, честной игры. Все должны быть в одинаковых условиях. Если кто-то болен астмой, пусть дома лечится, и на соревнования приезжает здоровым. А если боитесь, что что-то может произойти, выставляйте пикеты в труднодоступных местах трассы, чтобы они могли при необходимости оказать срочную медицинскую помощь».

Он снова начал юлить, говорить о том, что в данный момент у него нет таких данных, что к следующему совещанию подготовится и доложит.

Но, как вы догадываетесь, следующего совещания уже не было, по крайней мере, меня больше никуда не приглашали. А проблема до сих пор очень актуальна. Никаких больных астмой, я уверен, нет, а есть жульничество чистой воды!

А, вообще, я с удовлетворением вспоминаю те времена, считаю, что честно работал на благо спорта. Было время, правда, когда обо мне забыли. Но потом вспомнили. Когда при Министерстве спорта, туризма и молодежной политики был создан Экспертный совет, курирующий вопросы подготовки и участия сборных команд России в Олимпийских играх, меня включили в состав президиума этого совета. А до этого лет шесть, наверное, меня отовсюду вычеркивали. Притом, что официально я был помощником президента Олимпийского комитета России.

Работа совета строилась в трех основных направлениях: методический контроль процесса подготовки сборных команд, работа комплексных научных групп и связь с Федеральным медико-биологическим агентством. В статусе члена президиума совета у меня появилась возможность приезжать на учебно-тренировочные сборы, подсказывать, рекомендовать что-то тренерам, давать советы методического характера, апробированные собственными многолетними наблюдениями.

Потом президиум совета начал рассматривать и утверждать кандидатуры главных тренеров сборных страны по зимним видам спорта. Все кандидаты, которых мы прослушивали, были, естественно, выдвинуты соответствующими федерациями. На заседании президиума Экспертного совета каждый из них делал доклад, рассказывал о планах и концепции будущей работы, о методике тренировок, о том, как сам

В Новосибирск на родной стадион я во все годы возвращаюсь с особенной радостью и волнением

видит дальнейшее развитие своей дисциплины в стране. Кто-то делал это очень хорошо и убедительно, кто-то – не совсем. Или сам доклад в целом нам не нравился, поскольку не отображал понимания самим автором того, чего он хочет. Или не устраивали предложенные средства и методы для достижения результатов, объемы тренировок, их интенсивность и другие элементы. Некоторых мы утверждали только со второй попытки.

Помню, как сдавал экзамен главный тренер по биатлону Владимир Барнашов. Он доложил очень здорово. Другое дело, что не все, о чем говорилось в докладе, было потом выполнено. Владимиру Михайловичу и его команде, на мой взгляд, не хватило жесткости в отстаивании своих позиций. В результате, я считаю, были допущены две принципиальные ошибки. Первая, я о ней уже говорил выше, заключалась в том, что подготовку к сезону начали слишком поздно: не в апреле, как нужно было, а в июне. Я еще в мае 2009 года при подготовке к Олимпийским играм в Ванкувере докладывал о том, что мы в этой работе опаздываем на месяц. Это потом подтвердилось на Олимпиаде. Но при подготовке к сезону-2010/2011 мы снова наступили на те же грабли,

Несколько «поколений победителей» на чемпионате Европы-2005 в Новосибирске
Первый ряд (слева направо): Анатолий Алябьев, Владимир Барнашов, Сергей Тарасов, Луиза Носкова, Александр Елизаров, Владимир Драчев
Второй ряд (слева-напрвво): Может Милорадов, Николай Круглов, Валерий Кириенко, Вадим Мелихов, Юрий Кашкаров, Виктор Маматов, Галина Куклева, Сергей Булыгин, Александр Привалов

что опять было видно по результатам. Очень надеюсь, что наши рекомендации все-таки будут приняты во внимание и подготовка лыжников и биатлонистов будет начинаться в апреле.

***

Отдельной строкой в моей деятельности в постсоветскую эпоху является работа в Международном союзе биатлонистов. Распад Советского Союза привел к трансформации Федерации биатлона СССР в Союз биатлонистов России (что резонно) 26 февраля 1992 года. Кроме того, он совпал (и это куда более неожиданно) с распадом Международного союза современного пятиборья и биатлона (UIPMB). Вернее, в оформление биатлона, как уже совершенно самостоятельного вида спорта в рамках отдельного Союза. Внутренний конфликт в UIPMB зрел давно. Пока был жив первый президент союза Свен Тоффельт он не выплескивался наружу, но со смертью легендарного шведского пятиборца все стало развиваться стремительно. В 1992 году биатлонисты созвали внеочередное (слово сепаратное не употреблялось, хотя именно таким оно и было) совещание во Франции, а уже в августе 1993 года, в Лондоне состоялся учредительный Конгресс IBU, на котором моя кандидатура была предложена на пост первого вице-президента.

Сегодня многим молодым любителям биатлона это назначение может показаться неожиданным, но в начале 90-х годов такой поворот событий не показался странным никому в международном спортивном движении – хотя известное стечение обстоятельств, конечно, произошло. Остановлюсь на них подробнее. В 1992 году я, как представитель Госкомспорта, прибыл на отчетно-выборный Конгресс UIPMB в Швейцарию. Выборная кампания предстояла очень непростая, поскольку действующий глава Международного союза, наш знаменитый пятиборец двукратный олимпийский чемпион и 9-кратный чемпион мира Игорь Новиков, занимавший почетный и ответственный пост с 1988 года, заметно испортил себе репутацию. Собственно, поддержать Игоря Александровича и было моей первоначальной задачей.

Еще до начала Конгресса ко мне подошел его главный конкурент – Клаус Шорманн и, попросив о беседе с глазу на глаз, сообщил следующее:

– Виктор, у Новикова очень плохая поддержка. С ним не хотят работать потенциальные спонсоры и, кроме того, он за прошедшие четыре года попал в неприятную историю с кредитными картами, оформленными на наш Союз. Если все это будет произнесено на Конгрессе – шансов для переизбрания у него никаких. Вместе с тем, я понимаю, что такая спортивная держава как Россия обязана иметь своего представителя на высоком посту в UIPMB. Сейчас все идет к тому, что биатлон и пятиборье каким-то образом разделятся. Давай мы поможем тебе, как человеку с опытом, авторитетом и связями, возглавить мировой биатлон.

Санкт-Петербург. 2010 год. Моя работа в IBU закончена…

IBU

Пять золотых олимпийских медалей на троих: Виктор Маматов, Дмитрий Васильев, Владимир Барнашов

Обстановку в UIPMB я себе представлял и о движении «за отделение биатлона», которое возглавлял норвежец Андерс Бессеберг тоже прекрасно знал. Вот так вдруг на ровном месте противопоставить себя, на тот момент еще неформальному, лидеру движения было бы неправильно. Я ответил.

– Для того чтобы руководить таким большим и интернациональным сектором, у меня недостаточно хорошо с иностранными языками. Давайте, мы в Госкомспорте обсудим возможность занять пост первого зама.

Я быстро связался с Николаем Русаком, который в тот непростой переходный период еще исполнял обязанности главы уже практически распущенного комитета. Решение надо было принимать быстро, в противном случае велик был риск потерять и в пятиборье, и в биатлоне. Русак это осознавал, и потому нужные бумаги подготовили быстро. В июле 1993 года я прибыл в Лондон на учредительный Конгресс IBU. При этом надо понимать, что пятиборцы по-прежнему имели значительное влияние на биатлон, поскольку только они имели официальное признание МОК и могли подавать официальную заявку на олимпийские турниры по биатлону. Такая ситуация, кстати, сохранялась до 1998 года.

Перед началом Конгресса Шорманн, Бессеберг и я встретились в узком кругу и я лично предложил Андерсу возглавить международный союз. Бессеберг поблагодарил за поддержку и мы условились что мою кандидатуру на пост первого вице-президента предложит казначей «биатлонного крыла» - Гюнтер Цвацц. Так все и произошло. Все участники Конгресса проголосовали «за» и сегодня, спустя почти 30 лет с этого дня приятно осознавать, что под декретом об образовании IBU стоит моя личная подпись.

Надо сказать, что в первое десятилетие в IBU работать было очень интересно. Все вопросы решались оперативно, реализовывались самые смелые проекты, резко вырос бюджет. Лично мне удалось неплохо поработать на благо нашей страны – на карте мирового биатлона при моем непосредственном участии появились Ханты-Мансийск, Новосибирск, Уфа, чемпионат Европы был проведен в Ижевске. На посту первого вице-президента я работал до 2002 года, а всего в структуре Международного союза я оставался до 2010-го. Приятно осознавать что в то время наша страна пользовалась в биатлоне значительным авторитетом. Обидно, что за последние десять лет мы многое из этого растеряли.

Сейчас от активных дел я уже отошел. Лишь только турнир своего имени в Новосибирске стараюсь не пропускать. Это юношеские соревнования, которые впервые прошли в 1974-м, через год как я завершил спортивную карьеру. С 1985-го в состязаниях принимают участие и девушки. Турнир традиционно открывает зимний календарь для спортсменов этого возраста и проводится в последнюю неделю ноября или первую – декабря. В разные годы его победителями и призерами становились такие, впоследствии известные биатлонисты как Михаил Кочкин, Яна Романова, Елена Хрусталева, Екатерина Иванова и многие другие.

С Дмитрием Алексашиным – одним из основателей СБР и моим многолетним коллегой

Всесоюзные соревнования по биатлону на приз з.м.с. В.Ф.Маматова. г.Новосибирск. СДЮШОР СК „Локомотив“
1-2 декабря 1990 года

Вместо послесловия

Повторю то, о чем написал в начале – я прожил счастливую жизнь. Рассказ о ней мне хотелось бы закончить на какой-то позитивной ноте. Долго думал, о чем написать в конце и вдруг мне вспомнился один случай, который произошел очень давно, в конце 1960-х.

Возвращаясь как-то с соревнований, проходивших в Германии, оказались на железнодорожном вокзале в Дюссельдорфе. В запасе до отхода поезда оставалось два часа, и мы решили перекусить. Заказали в тамошнем буфете нехитрую еду – стоим за столиком, трапезничаем, что-то громко обсуждая. И тут подходит к нам какой-то мужчина. «Вы русские?» – спрашивает по-русски. Тогда, повторюсь, мы представляли совсем другую страну, с иной идеологией и соответствующим воспитанием. Поэтому сразу насторожились, решив, что это какой-нибудь эмигрант, предатель Родины, один из тех, с которыми нам, советским спортсменам, было, мягко говоря, не рекомендовано общаться. Но он быстро расставил точки на «i», расположив нас к себе рассказом о том, что оказался в Западной Германии потому, что сюда в свое время переехали родители, что скучает по Советскому Союзу, в котором родился, и что ему было очень приятно, услышать здесь, на дюссельдорфском вокзале, русскую речь.

«Я понимаю, – продолжил он, – что у вас нет больших денег, поэтому вы обедаете здесь, а не в дорогом ресторане. Но это не главное. Главное то, что вы есть и есть такая страна, как СССР. Мы, русские, живущие в ФРГ, когда собираемся вместе, всегда говорим о том, что пока Советский Союз будет сильным государством, войны не случится. Пусть даже вы будете немножко бедными, но, если вы у себя в стране произведете лишнюю винтовку, это будет залогом стабильности и мира на Земле».

Вот, столько лет прошло, а это запомнилось

CITIUS · ALTIUS · FORTIUS

INTERNATIONAL OLYMPIC COMMITTEE

THE PRESIDENT

Mr Victor MAMATOV
Chef de mission
Russian Olympic Committee
Olympic Village
NAGANO

Nagano, 9th February 1998
Ref. No/98/scs

Dear Mr Mamatov,

On behalf of the Olympic Movement, I would like to convey my sincere congratulations for the Gold and Silver Medals won by the Russian athletes O. Danilova and L. Lazutina in the cross country skiing 15km classical event.

Yours sincerely,

Juan Antonio SAMARANCH
Marqués de Samaranch

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.Ф.МАМАТОВУ

Уважаемый Виктор Федорович!

Сердечно поздравляю Вас с успешным выступлением российской сборной на XVIII зимних Олимпийских играх!

В Нагано наши спортсмены вновь продемонстрировали высочайший класс и продолжили лучшие традиции отечественного спорта. Их воля, мужество и упорство заслуженно вознаграждены олимпийскими медалями и аплодисментами болельщиков. Они еще раз доказали, что россияне умеют бороться, умеют побеждать в честной спортивной борьбе.

Рабочая группа "Нагано-98", руководителем которой Вы являетесь, внесла большой вклад в подготовку нашей сборной. Было сделано все необходимое, чтобы российские олимпийцы обрели отличную спортивную форму и успешно выступили. Спасибо Вам за эту ответственную работу!

XVIII зимняя Олимпиада уже позади, впереди новые соревнования, новые волнения за наших ребят. Пусть им всегда сопутствует удача!

От всей души желаю Вам доброго здоровья, счастья и успехов на благо России!

Б.Ельцин

"27" февраля 1998 г.

INTERNATIONAL
OLYMPIC
COMMITTEE

Mr. Victor MAMATOV

The President

Lausanne 13th December 2007
Ref. No.1344 /2007/JRO/rea

Re: Pierre de Coubertin Medal

Dear Mr. Mamatov,

It is my pleasure to inform you that the Council of the Olympic Order, which took place on the occasion of the meetings of the IOC Executive Board in Lausanne in December 2007, has decided to award you the Pierre de Coubertin Medal for the outstanding services to the Olympic Movement.

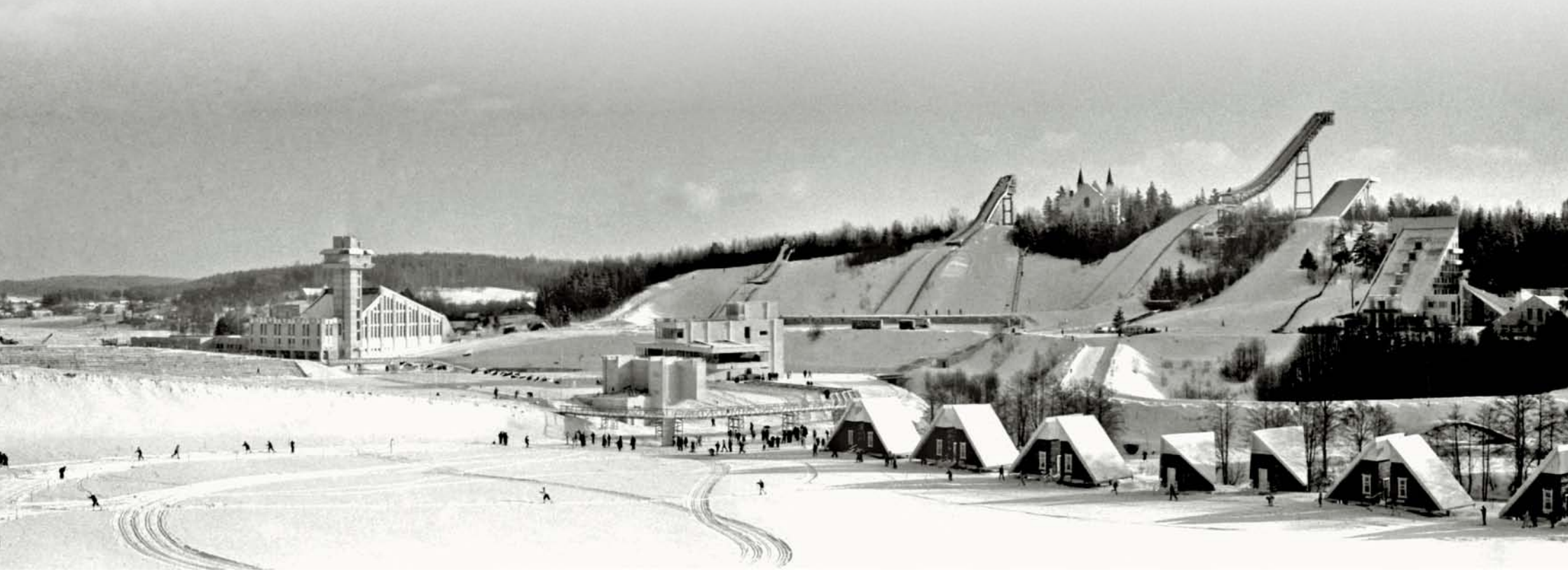
I would like to take this opportunity to address you my most sincere congratulations on this award.

Yours sincerely,

Jacques ROGGE

cc: Mr. Vitaly SMIRNOV, IOC Member *(please forward to the nominee)*
Mr. Leonid TYAGACHEV, President, Russian Olympic Committee

INTERNATIONAL OLYMPIC COMMITTEE
Château de Vidy, 1007 Lausanne, Switzerland. Tel. +41 21 621 6111 / Fax +41 21 621 6216 / www.olympic.org



ВИКТОР МАМАТОВ: Я СИБИРЯК, А ЭТО ОСОБАЯ КАСТА

Составитель книги: Константин Бойцов

За основу взят материал Бориса Валиева
(1955-2019)

В тексте использована статья Артема Локалова
для журнала «Родина»

Фотографии: Евгения Тумашова,
Союза биатлонистов России,
Федерации биатлона Белоруссии
и из личного архива Виктора Маматова

Редактор: Олег Чикирис

Верстка: Елена Лисицина

Отпечатано в «Dynamic print»
Летниковская ул., 10, с. 4
Формат 90х60/16.
Тираж 300 экз